И. С. Бѣляевъ.

Купеческія родословныя,

какъ историческій источникъ.

Чухломцы посадскіе люди Юдины.

МОСКВА,
Типо-Литографія Н. И. Куманина, Мясницкая, близъ Почтамта.
1900.

b'.

Дозволено цензурою. Москва, 10 Мая 1900 года.

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.

52779.

Купеческія родословныя,

КАКЪ ИСТОРИЧЕСКІЙ ИСТОЧНИКЪ *)

Чухломцы посадскіе люди Юдины.

I.

Великая реформа 19 февраля 1861 года, давшая свободу многимъ милліонамъ русскихъ людей, въ одномъ отношеніи коснулась и дальнѣйшей судьбы освобожденныхъ классовъ. Съ утвержденіемъ новыхъ судебныхъ учрежденій по уставамъ 20 ноября 1864 года, всѣ документы упраздненныхъ этою реформою присутственныхъ мѣстъ Имперіи, какъ то: уѣздныхъ судовъ, нижнихъ и верхнихъ расправъ, магистратовъ, ратушъ, палатъ уголовныхъ и гражданскихъ судовъ, словесныхъ судовъ, воеводскихъ канцелярій, надворныхъ судовъ и другихъ Екатерининскихъ учрежденій, начиная съ XVII вѣка и до 1799 года включительно, были сданы на храненіе въ Московскій Архивъ Министерства Юстиціи. Всѣ эти вновь поступившіе документы въ большей или меньшей степени могутъ служить матеріалами для исторіи и крестьянскаго, и купеческаго сословій. Кромѣ того, въ Архивѣ же Министерства Юстиціи, образованномъ изъ нѣкогда самостоятельныхъ Сенатскихъ архивовъ: Вотчиннаго, Разряднаго и Старыхъ дѣлъ, находятся документы Помѣстнаго приказа и учрежденій Петра Великаго, также относящіеся къ исторіи указанныхъ выше сословій и поступившіе въ тѣ архивы задолго до судебной реформы.

---

*) Докладъ, читанный въ Археографической Коммиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 4 апрѣля 1900 года.

Такимъ образомъ, событіе 19 февраля 1861 года, поднявъ къ свободной жизни крѣпостные классы русскаго народа, съ тѣмъ вмѣстѣ *соединило* всѣ почти и историческіе и правовые документы этихъ классовъ въ одномъ Архивѣ въ Москвѣ—Министерства Юстиціи и тѣмъ дало возможность пользоваться ими какъ въ интересахъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ сословій. Было ли это соединеніе *случайнымъ*, или же оно сдѣлано сознательно, намъ неизвѣстно, такъ какъ о томъ въ циркулярномъ распоряженіи Министерства Юстиціи отъ 3 декабря 1866 по сему предмету ничего не сказано. Но во всякомъ случаѣ, это соединеніе для лицъ, занимающихся русской исторіей и правомъ, вполнѣ цѣлесообразно, потому что даетъ возможность вести изысканія въ непрерывной связи, а при недостаткѣ однихъ источниковъ замѣнять ихъ другими.

II.

Первыя попытки пользованія документами Московскаго Архива Министерства Юстиціи съ цѣлію извлеченія изъ нихъ разныхъ свѣдѣній для купеческихъ родословій дѣлаются не безъизвѣстнымъ въ Москвѣ любителемъ старины, предсѣдателемъ Биржеваго комитета Николаемъ Александровичемъ Найденовымъ Какъ матеріалъ для исторіи купечества, онъ печатаетъ хранящіяся въ Архивѣ переписныя книги города Москвы: 1638, 1665 и 1742 годовъ, съ настойчивостію продолжая изданіе писцовыхъ и переписныхъ книгъ до настоящаго времени и по другимъ городамъ: Переславлю-Залѣсскому, Ростову, Рязани, Тулѣ, Угличу, Зарайску и т. д. Всего имъ до сихъ поръ напечатано до 30 томовъ матеріаловъ большаго формата, да кромѣ того издано еще 12 томовъ такъ называемыхъ „Общественныхъ приговоровъ“ съ 1771 по 1880 годъ, дающихъ любопытные матеріалы для исторіи Московскаго купечества. Г. Найденовъ въ нѣкоторыхъ томахъ дѣлаетъ оговорку, что въ нихъ можно прослѣдить тотъ или другой купеческій родъ, или что та или иная книга Матеріаловъ издана на „средства такого-то купца“, по рожденію происшедшаго изъ даннаго города или уѣзда.

Положеніе русскаго купечества въ XVII вѣкѣ и въ половинѣ XVIII было довольно своеобразно. За исключеніемъ его высшихъ классовъ—гостей и людей гостиныя и суконныя сотенъ, большинство купечества, или вѣрнѣе торговаго и реме-

сленнаго русскаго сословія, составляли посадскіе люди. Съ одной стороны, они были свободные люди, потому что не были обязаны обрабатывать землю и ни за какимъ частнымъ лицомъ не были закрѣпощены, имѣли своихъ посадскихъ старостъ, а съ другой—они несли тягло наравнѣ съ крѣпостными людьми. Собственно, съ словомъ „купецъ“ и „купчина“ въ смыслѣ продавца мы встрѣчаемся еще въ самой „Русской правдѣ, „восходящей, какъ извѣстно, къ XI вѣку. Но ни въ ней, ни въ Судебникѣ Іоанна Третьяго 1497 года, повторяющемъ о купцахъ статью „Русской Правды“, ничего не говорится о посадскихъ, какъ равно въ нихъ и виновные и отвѣтчики недѣлятся на сословія: передъ судомъ они *равны съ крестьянами.*

Въ Судебникѣ же Грознаго 1550 года (ст. 26) встрѣчаемся уже съ „городскими посадскими людьми“ рядомъ съ торговыми людьми; общественное положеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ *съ большими достатками* возвышается противъ крестьянства; такъ за безчестіе, нанесенное *„среднему“* посадскому человѣку, виновный платитъ 5 рублей наравнѣ съ добрымъ боярскимъ человѣкомъ, но въ то же время рядовому посадскому *наравнѣ* съ крестьяниномъ за безчестіе платится 1 рубль.

Въ судебникѣ же 1550 г. указывается и *на самоуправленіе* посадскихъ людей, которые имѣли своихъ старостъ и цѣловальниковъ, присылавшихъ разметныя книги въ Москву (ст. 72).

Уложеніе Царя Алексѣя Михайловича, утвержденное 3 октября 1649 года, подводитъ посадскихъ людей къ такъ называемымъ черносошнымъ, или государевымъ крестьянамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и поднимаетъ общественное ихъ положеніе противъ крестьянъ, т. е. значеніе послѣднихъ съ этой поры начинаетъ умаляться, падать:

„Которыя слободы на Москвѣ патріарши и митрополичи и владычни и монастырскія и бояръ и окольничихъ *и всякихъ чиновъ людей*, а въ тѣхъ слободахъ живутъ *торговые и ремесленные люди,* и всякими торговыми промыслы промышляютъ и лавками владѣютъ, а государевыхъ податей не платятъ и службъ не служатъ, и тѣ всѣ слободы со всѣми людьми, которые въ тѣхъ слободахъ живутъ, всѣхъ взяти за государя *въ тягло* и въ службы *безлѣтно* безповоротно“ (глава 19).

„А которые Московскіе *и городовые посадскіе* тяглые люди сами *или отцы* ихъ въ прошлыхъ годѣхъ живали на Москвѣ *и въ городѣхъ* на посадѣхъ и въ слободахъ въ тяглѣ и тягло платили, а иные жили въ посадѣхъ же и въ слободахъ у тя-

глыхъ людей въ сидѣльцахъ и въ наймитахъ, а нынѣ они живутъ въ закладчикахъ, и тѣхъ всѣхъ сыскивати и свозити *на старыя* ихъ посадскія мѣста, *гдѣ кто живалъ напредъ сего*, безлѣпно же и безповоротно".

Изъ Уложенія же отчасти видно, кѣмъ кромѣ сыновей посадскихъ пополнялся и возобновлялся составъ этого класса:

„А которые люди на Москвѣ *и въ городѣхъ* живутъ на церковныхъ земляхъ *поповы дѣти* или церковные дьячки, или пономари, или какіе-нибудь *вольные люди*, или чьи-нибудь, а торговыми они всякими промыслы промышляютъ, а ни въ какомъ тяглѣ не записаны и государевыхъ податей не платятъ и службъ не служатъ и издѣлій не дѣлаютъ,—и тѣхъ всѣхъ по торговымъ ихъ промысломъ взяти въ тягло, чтобы такіе люди нигдѣ въ избылыхъ не были".

Но въ то же время общественное положеніе посадскихъ стояло гораздо выше тяглыхъ крестьянъ, и молотчіе посадскіе люди уже не сравниваются съ крестьянами, а „съ уѣздными безмѣстными попами". Въ напечатанной при десятой главѣ „Уложенія" постепенной росписи взысканій за безчестье, посадскіе сравнены съ игумнами; они правили за безчестіе по 7, 6 и 5 рублей, тогда какъ государевымъ, тяглымъ, помѣщиковымъ и прочимъ крестьянамъ за то же полагалось имать только уже по одному рублю человѣку. Петръ Великій, желая по словамъ его указа „купечества разсыпную храмину" собрать, раздѣлилъ купечество на 3 части, имѣющія называться гильдіями; но разграниченіе послѣднихъ сдѣлано слишкомъ неопредѣленно: на знатныхъ купцовъ, торгующихъ мелочнымъ товаромъ и ремесленныхъ людей, и всѣ они впервые названы „гражданами", а сумма капитала для записки въ купцы назначалась отъ 300 до 500 рублей. Одинъ же изъ даровитыхъ современниковъ перваго русскаго императора, одинъ изъ первыхъ русскихъ самородковъ, вышедшихъ изъ народа, крестьянинъ Иванъ Тихоновичъ Посошковъ, оставившій намъ свои сочиненія, въ непривлекательныхъ чертахъ передаетъ и положеніе посадскихъ съ купечествомъ въ средѣ другихъ сословій, и его нравственные устои. Въ книгѣ „О скудости и богатствѣ", написанной въ 1724 году, онъ указываетъ, что купцы, „плохіе товары закрасивъ добрыми, продаютъ за добрые, беря цѣну неправедную и неискусныхъ людей тѣмъ обманомъ вельми изъянятъ, и въ вѣсахъ обвѣшиваютъ, и гое неправду въ грѣхъ не поставляютъ, а отъ такого неправаго порядка незнающимъ людемъ всякія пакости чинятся".

Причину такихъ обмановъ Посошковъ видитъ въ томъ, что „торгуютъ и бояре, и дворяне и люди ихъ, и офицеры и крестъяне не только сами безпошлинно, но за ихъ имены и купецкіе люди множество (торговъ) производятъ безпошлинно же... и къ торгу прикоснулись лица сильныя". „Я всесовершенно знаю,—говоритъ дальше Посошковъ,—въ своемъ Новгородскомъ уѣздѣ крестьянъ сто-другое, а пошлинъ ни по деньгѣ не даютъ, и аще сборщикъ, увидя ихъ, похочетъ пошлину взять, то за нихъ вступятся дворяне и чуть живымъ оставятъ; такъ что то смотря, никакіе цѣловальники и прикоснуться къ нимъ не смѣютъ".

По мнѣнію автора книги „О скудости и богатствѣ", должно блюсти, чтобъ иночинные люди отнюдь въ купечество не вступали, и при томъ онъ совѣтуетъ дать этому сословію торгъ свободный, чтобы они и сами отъ того полнились и интересъ государству умножали.

Какъ глубоко любящій свою родину человѣкъ, Посошковъ все время заботится, чтобы польза, получающаяся отъ мѣстныхъ богатствъ, оставалась у себя дома. Онъ съ горечью замѣчаетъ объ иностранныхъ купцахъ, что они „пріѣдутъ къ намъ съ бездѣлками, а нашимъ матеріальнымъ товаровъ уставляютъ низкую цѣну, а своимъ двойную и выше", и что иноземцы „пріѣхавъ засунутъ сильнымъ персонамъ подарокъ рублей во 100,—другое, а прибыли себѣ сдѣлаютъ полмилліону, потому что бояре не ставятъ купечества въ яичную скорлупу, за грошъ его промѣняютъ".

Въ заключеніе Посошковъ, желая, чтобъ заморскіе товары подлежали общему разсмотрѣнію купечества, говоритъ, что „нѣмецкія затѣйки и прихоти мочно и пріостановить, дабы напрасно изъ Руси богатства не тащили: на ихъ мягкія лестныя басни и на всякія ихъ хвасти смотрѣть не для чего. Намъ надлежитъ *свой умъ* держать и что намъ къ пополненію царственному потребно и прибыльно, то надлежитъ у нихъ покупать, отвергая непрочныя и не прибыльныя вещи".

Не имѣя своей задачей слѣдить *по печатнымъ* источникамъ за всѣмъ ходомъ посадской жизни въ Россіи, я остановился только на тѣхъ чертахъ изъ древнихъ юридическихъ памятниковъ и изъ Полнаго собранія законовъ, которыя могутъ служить освѣщеніемъ моему докладу, сущность котораго заключается въ слѣдующемъ.

III.

Владѣлецъ довольно крупной библіотеки въ г. Красноярскѣ Геннадій Васильевичъ Юдинъ, долгое время съ большою любовію собиравшій матеріалы къ исторіи своего рода, попросилъ меня помочь ему въ поискахъ по Архиву Министерства Юстиціи для составленія полной его родословной. Самаго древняго изъ своихъ предковъ Геннадій Всильевичъ могъ назвать—только прадѣда Михаила, жившаго въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка. И благодаря только этому указанію, мнѣ удалось по документамъ Архива Министерства Юстиціи довести родъ Юдиныхъ въ *непрерывной связи* до начала XVII вѣка, *именно до 1613 года* и составить соотвѣтствующую поколѣнную роспись. Ходъ этихъ поисковъ и служитъ предметомъ настоящаго моего доклада.

По сообщенному мнѣ г. Юдинымъ указанію о мѣстѣ пребыванія его предковъ въ предѣлахъ Костромской губерніи съ предпочтительнымъ основаніемъ—на г. Чухломѣ, я остановился на просмотрѣ документовъ Архива Министерства Юстиціи, относящихся къ сему послѣднему городу. Чухлома, по историческимъ источникамъ, въ первый разъ встрѣчается около 1379 года; сюда ссылается великимъ княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ Донскимъ самовольно поставившій себя, послѣ смерти любимца царя Митяя, въ московскіе митрополиты Переяславскій игуменъ Пименъ; позже при ссорахъ Василія Темнаго съ двоюродными братьями Косымъ и Шемякою мать великаго князя Софья также ссылается ими въ Чухлому, при чемъ указывается туда и путь, которымъ слѣдовали изъ Москвы: на Коломну, Переяславль, на Ростовъ, Кострому, Галичъ и наконецъ на Чухлому. По „поверстой книгѣ“, бывшей употребленіи гораздо позже—около половины XVIII столѣтія, разстояніе отъ Москвы до Чухломы было исчислено въ 460 верстъ и для проѣзда по дѣламъ службы полагалось, по 100 верстъ въ 2 дня всего 9 дней *).

Хотя изъ этихъ свѣдѣній и видно, что Чухлома былъ довольно древній городъ, но первоисточники для его исторіи—такъ называемыя „писцовыя книги“ по этой мѣстности въ Архивѣ Министерства Юстиціи сохранились только съ начала XVII вѣка. *Къ счастію* (я умышленно подчеркиваю это слово),

*) Моск. Архивъ М Ю. Дѣло Ревизіонъ коллегіи № 528, изъ вязки 185, стр. 61.

Юдины оказались коренными обитателями Чухломы, такъ сказать его „аборигенами“, потому что въ первой же писцовой дозорной книгѣ этого города 1615 года имѣлся уже на лицо ихъ предокъ. Мои поиски могли бы во многомъ осложниться, если бы его здѣсь не было: это значило, что родъ куда-нибудь переселился, и поиски его въ началѣ XVII вѣка, на новыхъ мѣстахъ, при возможныхъ переходахъ еще на новыя, должны бы во всякомъ случаѣ повестись медленнѣе и ощупью. Но какъ я уже сказалъ, въ чухломской писцовой книгѣ 1615 года *) въ самой главѣ *посадскихъ* людей значится: „Иванъ Июдинъ“, котораго и слѣдуетъ признать пока родоначальникомъ всѣхъ чухломскихъ Юдиныхъ, потому что другого Юдина еще старше здѣсь болѣе нѣтъ, а отъ указаннаго Ивана оказалось непрерывная родовая связь. Населеніе исключительно взрослое и мужское г. Чухломы по дозорной книгѣ состояло изъ 15 человѣкъ посадскихъ, размѣщенныхъ въ 15 же дворахъ, и изъ 16 бобылей (захудалыхъ), занимавшихъ 16 же дворовъ. Всѣхъ доходовъ-оброку и пошлинъ съ г. Чухломы сбиралось въ годъ 7 руб. 8 алт. 4 деньги. Между документами Архива Министерства Юстиціи, послѣ писцовой книги 1615 года, трудно отыскать другіе, которые, восходя къ этому сравнительно древнему для Архива времени, давали бы дальнѣйшіе матеріалы для исторіи городовъ. Я, конечно, просмотрѣлъ столбцы и книги Разряда, но въ нихъ Чухломы за эти годы не было. За то въ книгахъ Печатной конторы пошлинныхъ **) я нашелъ еще указаніе о томъ же чухломскомъ посадскомъ человѣкѣ „Ивашкѣ Июдинѣ“, восходящее *къ 1613 году;* изъ записи видно, что послѣ Смутного времени Чухлома была сильно разорена, и родоначальникъ Юдиныхъ съ товарищи челобитничалъ предъ царемъ о какихъ-то „запасахъ“.

Слѣдующею писцовою описью должна быть опись 1622—1628 годовъ. Опись эта вообще, какъ можно судить по другимъ городамъ, самая подробная и обстоятельная, а потому и самая любопытная; но по Чухломѣ такой описи до насъ не дошло; по чухломскому уѣзду сохранилась, а по посаду—нѣтъ. Для исторіи рода Юдиныхъ недостатокъ ея—большой пробѣлъ, потому что въ этой описи большею частію излагались и занятія посадскихъ людей, что въ отношеніи родоначальника Юдина было бы весьма любопытно.

*) Моск. Архивъ М. Ю Подлинная дозорная книга по Чухломѣ № 529.

**) Моск Архивъ М Ю. книга Печатной конторы „пошлинная“ № 1, л. 180

За описью 1622—1628 годовъ по очереди идетъ опись 1646—1647 годовъ, но уже не писцовая, а переписная, болѣе бѣдная подробностями, чѣмъ первая *). Въ ней Чухлома уже теряетъ свою самостоятельность; отдѣльной переписной книги ея нѣтъ, а описаніе ведется съ Галичемъ, какъ пригородомъ послѣдняго. Здѣсь мы встрѣчаемся, въ числѣ посадскихъ, съ сыномъ родоначальника Юдиныхъ—съ Григорьемъ Ивановымъ Юдинымъ, имѣющимъ сына Устинка—прозвище Богдашко. Населеніе Чухломы представляетъ 57 посадскихъ на 30 дворахъ и 27 бобылей, занимающихъ 21 дворъ, всего посадскихъ 84 человѣка, въ числѣ которыхъ показаны и дѣти до 15-тилѣтняго возраста. Дальше идутъ 4 двора „вдовьихъ“ съ 4 женщинами, 2 двора „нищихъ людей“, которые кормятся христовымъ именемъ; 17 дворовъ боярскихъ, дворянскихъ и монастырскихъ, а людей въ нихъ (дворниковъ) 17 человѣкъ Во второй затѣмъ, также переписной, описи 1678 года родина Юдиныхъ вновь идетъ при Галичѣ и насывается „Чухломской осадой“. По этой переписи въ живыхъ находится сынъ Григорья Богдашка Юдинъ съ дѣтьми: Ѳедькою 10 лѣтъ, Афонькою—да Савкою 8 лѣтъ и Ивашкою 4 лѣтъ **). Населеніе Чухломы составляютъ 161 человѣкъ посадскихъ, въ счетъ которыхъ идутъ и дѣти; они размѣщены на 26 посадскихъ и на 31 дворѣ бобыльскомъ. Кромѣ того значится 2 двора „вдовьихъ“.

Для дальнѣйшаго пополненія родословной посадскихъ Юдиныхъ такими же цѣнными источниками, какъ были писцовыя и переписныя книги, являются ревизскія сказки, гдѣ тягло переходитъ съ двора на личность, на душу. Но отъ послѣдней переписной книги 1678 года до первой и лантратской ревизіи въ двадцатыхъ годахъ XVIII столѣтія слишкомъ большой промежутокъ, чуть не въ 50 лѣтъ. Его можно отчасти пополнить разъисканіями въ столбцахъ разныхъ столовъ Разряда за всю вторую половину XVII вѣка; въ нихъ немало данныхъ для исторіи городовъ и посадовъ въ древней Руси. Но положеніе Чухломы оказалось и здѣсь не благопріятнымъ: во первыхъ—не нашлось *ни одной* такъ называемой „смѣтной книги“, рисующей состояніе города со стороны его обороны, но въ то же время дающей и много цѣнныхъ свѣдѣній о городскомъ населеніи;

*) Моск. Архивъ М Ю. Подлинная переписная книга по Галичу № 98

**) Моск. Архивъ М. Ю. Подлинная переписная книга по Галичу № 7253.

по другимъ городамъ такихъ „смѣтныхъ“ списковъ сохранилось нѣсколько, и за разные годы, а по Чухломѣ—ни одного. Во-вторыхъ, Чухлома по своему дѣлопроизводству и управленію тянула къ Приказу Галичскія чети, а дѣлъ этого приказа, какъ и другихъ четвертей, судьба которыхъ мало еще выяснена въ нашей литературѣ, въ Архивѣ Министерства Юстиціи не сохранилось Между тѣмъ дѣла этого приказа, по сравненію съ документами Разряда въ отношеніи другихъ городовъ, должны бы были дать если не обширныя, то во всякомъ случаѣ очень цѣнныя свѣдѣнія для бытовой исторіи посадскихъ людей въ Галичской четверти въ XVII столѣтіи. По нѣкоторымъ указаніямъ, можно также заключить, что въ XVII столѣтіи Галичъ находился также въ вѣдѣніи Владимірскаго стола Разряда и отчасти—Новгородскаго. Изъ столбцовъ этихъ столовъ нами и были извлечены нѣкоторыя свѣдѣнія, касающіяся до отношеній чухломскихъ воеводъ къ посадскимъ людямъ въ концѣ XVII вѣка. Единственное, но довольно любопытное свѣдѣніе о родѣ Юдиныхъ я нашелъ въ столбцахъ Приказнаго стола Разряда *); здѣсь по Чухломѣ въ 1664 году между всѣми жителями идетъ какой-то розыскъ; а на оборотѣ склейки по этому дѣлу имѣется слѣдующая надпись: „Чухломскій посадскій *земскій* староста Богданъ Григорьевъ Июдинъ и въ посадскихъ людей, а что онъ *неграмотенъ* по его велѣнью земской избы дьячекъ руку приложилъ“. Богданъ Григорьевичъ Юдинъ—тотъ самый внукъ родоначальника, котораго мы видѣли въ переписи 1678 года. Интересно, что неграмотность Богдана не мѣшала ему стоять во главѣ, посадскихъ, и интересно названіе старосты „земскимъ“, дающее нѣкоторый отмѣнокъ для выясненія самоуправленія посадскаго въ XVII вѣкѣ, т. е до учрежденія Петромъ Великимъ „Бурмистрской палаты“ и „Земскихъ избъ“.

Очень цѣнный матеріалъ для исторіи купечества представляютъ дѣла Сената по Мануфактуръ и Коммерцъ коллегіямъ и Главному магистрату, хотя ихъ сравнительно немного, до 46 вязокъ—книгъ, обнимающихъ время съ начала и до конца XVIII столѣтія. Такъ, по одному документу **) этого отдѣла, мы видимъ, что въ 1722 году, по именному указу государя отъ 27 апрѣля, всѣ посадскіе были обложены прямою податью

*) Моск. Архивъ М. Ю. Столбецъ Приказнаго стола № 1394/244

**) Моск. Архивъ М. Ю. Книга Сената по Мануфакт. Колл. № 5/909, стр. 33—57.

по 40 алтынъ, или по 1 р. 20 коп. съ души. Но плательщики, въ поданныхъ состоящей при Сенатѣ „Комиссіи о коммерціи“ представленіяхъ, цѣлыми городами находили окладъ обременительнымъ, жаловались, что они претерпѣваютъ не малую тягость отъ частыхъ гражданскихъ службъ при таможенскихъ, кабацкихъ и канцелярскихъ сборахъ, отъ полковыхъ военныхъ постоевъ и отъ платежей на рекрутовъ, которые сбираются и за бѣглыхъ и за умершихъ до ревизій, и за слѣпыхъ и престарѣлыхъ. Когда же по кончинѣ Великаго императора, по указу его преемницы для его „поминовенія“, велѣно было сбавить при сборѣ крестьянскихъ податей 10 копѣекъ съ души, а затѣмъ когда „для облегченія крестьянъ“ и „для коронованія императора Петра Втораго“ съ крестьянъ же и съ дворовыхъ людей не велѣно сбирать подушное за майскія трети какъ въ 1727, такъ и въ 1728 годахъ,—купечество и посадскіе множества городовъ, въ томъ числѣ и Москвы, завалили Сенатъ просьбами о сбавкѣ и съ нихъ, по примѣру крестьянства и 10 копѣекъ, и окладовъ за двѣ майскія трети двухъ слѣдовавшихъ другъ за другомъ годовъ. Почти во всѣхъ просьбахъ говорится о бѣдности купечества и о невозможности исправно уплачивать подати; просьбы ихъ по содержанію близко подходятъ другъ къ другу. Галичское купечество съ пригородами, въ числѣ которыхъ числилась Чухлома, также подало просьбу слѣдующаго содержанія.

„Въ Галицкомъ де посадѣ (и въ пригородахъ) купечество противъ другихъ городовъ самое убогое, —и тѣхъ малое число, понеже въ Галичѣ ярмонокъ и пристаней—водянымъ путемъ пріѣзду съ товары изъ другихъ городовъ не бываетъ; а обрѣтается въ Галичѣ больше половины города рыбаковъ и огородниковъ и работныхъ людей, которые подобны пашеннымъ крестьянамъ и зѣло скудны и бѣдны, и изъ которыхъ многое число скитается въ мірѣ. А подушного де сбору деньги на 724 — до 727 года изъ доимки, а на нынѣшній (1728) годъ по окладу по 1 р. 20 коп. отъ Галичской воеводской канцеляріи взыскиваются *съ правежемъ*, и держатся многіе подъ карауломъ безъ выпуска, отчего пришли въ убожество“.

Сенатъ, имѣя въ виду, что сбавка изъ подушнаго оклада состоитъ отъ милости Его императорскаго величества, такъ какъ майскихъ третей имать не велѣно съ крестьянства, а не съ купечества, опредѣлилъ подать съ экстрактомъ доношеніе въ Верховный тайный совѣтъ и о томъ требовать указу. А

по приговору Высокаго сената, отъ 13 сентября 1728 года, „разсуждено въ Верховный тайный совѣтъ доношенія не подавать, первый сенатскій протоколъ отмѣнить и съ купечества подушныя деньги за прошлые годы взыскивать безъ послабленія, для того что тѣ трети велѣно только сложить съ крестьянъ и съ дворовыхъ людей".

Изъ этого же документа видно, что въ 1722 году, при разложеніи податей, все крестьянское населеніе Россіи съ дворовыми людьми мужскаго пола было исчислено государю въ 5 милліоновъ человѣкъ.

Лантратской и первой ревизій города Чухломы въ томъ отдѣлѣ Архива Министерства Юстиціи, который хранитъ первыя три ревизіи всей Россіи, не оказалось; между ревизскими сказками, присланными на храненіе въ тотъ же Архивъ, но распредѣленными въ другомъ отдѣленіи—между документами учрежденій, упраздненныхъ судебною реформою 1864 года, между сказками 4 и 5 ревизій первой ревизіи также не было. Итакъ, промежутокъ отъ переписи 1678 года до первой ревизіи былъ чуть не въ 50 лѣтъ, а за неразысканіемъ первой онъ ко второй ревизіи, имѣвшейся на лицо и бывшей въ 1743—1744 годахъ, достигалъ до 66 лѣтъ и обнималъ какъ разъ то время, которое менѣе всего было благопріятно для исторіи рода Юдиныхъ по другимъ отдѣламъ Архива. Скрѣпя сердце, пришлось, пропустивъ первую, приняться за вторую и дальнѣйшія ревизіи, и хотя связь родовую Юдиныхъ можно было прослѣдить и по этимъ сказкамъ, но все-таки безъ *точныхъ* указаній нѣкоторыхъ лицъ рода. Гораздо позже, просмотрѣвъ всѣ дѣла Чухломскаго упраздненнаго уѣзднаго суда, имѣвшія описи, я рѣшилъ, что слѣдуетъ просмотрѣть и всѣ дѣла, вѣрнѣе книги, присланныя въ Архивъ М. Ю. на храненіе „безъ описей", такое названіе удержавшія и здѣсь. Эти „дѣла безъ описей" большею частію составляли такъ называемые указы и предписанія высшихъ присутственныхъ мѣстъ, получавшіеся изъ года въ годъ Чухломскимъ уѣзднымъ судомъ. *Между ними*-то мнѣ и посчастливилось сдѣлать находку недостающей для моихъ поисковъ первой ревизіи 1723 года по городу Чухломѣ. Она была встрѣчена мною какъ разъ въ указахъ 1741 года *), предназначавшихся, какъ видно, для храненія между документами „съ извѣстнымъ титуломъ", но почему-то къ моему удовольствію ставшихся на мѣстѣ.

*) Моск. Архивъ М. Ю. Дѣла упразд. Чухл. уѣзди суда „безъ описей", вязка съ указами 1741 года, стр. 526.

А Чухломская первая ревизія, произведенная „Архангелогородской губерніи Галической провинціи по пригороду Чухломѣ," по своему содержанію оказалась одною изъ самыхъ обстоятельныхъ въ описаніи города; такъ, она указываетъ даже мѣста гдѣ стояли посадскіе дворы. Здѣсь въ 1723 году мы видимъ уже внука показаннаго въ переписи 1678 года Григорія Богданова Июдина: „По Малой улицѣ, что отъ Большія проѣзжія улицы, по правую сторону во дворѣ Иванъ Ѳедоровъ сынъ Июдинъ 21 года, у него сынъ Андрей 2 лѣтъ, у него же братъ родной Илья 11 лѣтъ". Любопытно, что здѣсь же у Ивана ѲедоровоЮдина - посадскаго человѣка, слѣдовательно платившаго подушную подать, встрѣчаемъ указаніе о владѣніи крѣпостнымъ крестьяниномъ: „За нимъ же крѣпостный крестьянскій сынъ покупки дѣда его Михаила Иполитова Илья Стефановъ 11 лѣтъ." У Михаила Ипполитова фамиліи не показано, но изъ другого источника, встрѣченнаго тамъ гдѣ менѣе всего можно было предположить появленіе Чухломы, именно изъ столбца Малороссійскаго приказа *) видно, что и этотъ „дѣдъ" также принадлежалъ къ Июлинымъ. Столбецъ, между прочимъ сообщаетъ, что въ 1684 году „Чухломскимъ посадскимъ земскимъ старостою" состоялъ онъ Михайло Ипполитовъ Июдинъ, смѣненный въ слѣдующемъ 1685 году *роднымъ братомъ* Иваномъ Ипполитовымъ Июдинымъ. Но у Ивана Ѳедоровича Июдина, показаннаго въ первой ревизіи 21 года, *родной* дѣдъ былъ Богданъ Григорьевъ Июдинъ, слѣдовательно указанный Михаилъ Ипполитовъ сынъ Июдинъ приходился Ив. Ѳед. Июдину *двоюроднымъ* дѣдомъ. Дѣйствительно, въ переписи 1641 г. указывается посадскій Сенька Ивановъ Июдинъ съ сыномъ Ипполиткомъ, въ переписи 1678 года — Ипполитъ Семеновъ Июдинъ, а въ спискѣ съ записи всѣхъ посадскихъ людей Чухломы на заемъ ими 25 рублей въ 1681 году, приложенномъ къ указанному столбцу Малороссійскаго приказа, значатся Сидоръ да Никифоръ да *Михайло Ипполитовы* Июдины и отдѣльно *Иванъ Ипполитовъ* также Июдинъ. Въ этомъ же столбцѣ указывается, что въ 1681 году въ должности Чухломскаго посадскаго старосты вновь появляется тотъ же предокъ Июдиныхъ Богданъ Григорьевъ (не грамотный), котораго въ той же должности мы видѣли въ 1664 году. Такъ что родъ Юдиныхъ можетъ по справедливости гордиться, что

*) М. А. М. Ю. Столбецъ Малороссійскаго приказа № 6.039/228, ненумерованный.

трое изъ его предковъ стояли во главѣ чухломскаго посадскаго управленія почти всю послѣднюю половину XVII вѣка. По внесенію же посадскихъ людей въ документы безъ свойственныхъ имъ фамилій мы можемъ судить, насколько еще незначительно было положеніе ихъ на ряду другихъ сословій въ царствованіе Великаго преобразователя, и *такое* ихъ занесеніе въ документы—имѣть въ виду для дальнѣйшихъ поисковъ. Населеніе Чухломы въ 1723 году составляли 184 человѣка посадскихъ, въ возрастѣ отъ 1 до 80 лѣтъ, занимавшихъ 56 дворовъ; солдатскихъ женъ и матерей 5, вдовьихъ 7 дворовъ. Да тѣхъ, какъ сказано въ документѣ, кототорые „явились по свидѣтельству или зѣло дряхлыми, или въ здоровьѣ надѣянія не имѣютъ, 8 человѣкъ". Да приписано 2 человѣка, которые „воспріяли хрістіанскую вѣру греческаго исповѣданія и желаютъ жить въ Чухломскомъ посадѣ: Швецкой націи Семенъ Михайловъ Костеринъ 35-ти лѣтъ и Польской націи Григорій Петровъ 22-хъ лѣтъ".

Въ самомъ концѣ первой чухломской ревизіи, послѣ уже общаго итога всѣхъ посадскихъ, сдѣлана такая приписка, „Іюля въ 12 день сего 1723 года послѣ свидѣтельства и переписи мужска полу душъ явился изъ бѣговъ посадскій человѣкъ Иванъ Устиновъ сынъ Іюдинъ 70 лѣтъ", то есть, сынъ того Устинка, который съ прозвищемъ „Богдашко", перешедшимъ впослѣдствіи въ его имя, встрѣчается въ переписи 1648 года. Кромѣ приведенной приписки, въ документѣ ничего не сказано о причинахъ возвращенія и побѣга посадскаго Ивана Устинова Іюдина изъ Чухломы: тяжесть ли денежныхъ и иныхъ Петровскихъ поборовъ, когда по встрѣченному мною свидѣтельству въ Галичской провинціи во время Великой сѣверной войны для пополненія рекрутовъ съ посадскихъ изъ числа всѣхъ годныхъ къ строю людей брали *десятого* человѣка; наклонность ли къ бродяжничеству, столь часто встрѣчавшаяся въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка, оставившая въ обращеніи выраженіе: „бродить по міру"; семейныя ли какія-либо причины заставили посадскаго оставить свой родной очагъ и явиться неисправнымъ плательщикомъ подушнаго сбора передъ казною,—намъ неизвѣстно, какъ неизвѣстны и причины побудившія семидесятилѣтняго старика возвратиться на родину, — развѣ, можетъ быть, только затѣмъ, чтобы слечь костьми „ближе къ милымъ предѣламъ", ближе къ „дорогимъ могиламъ".

Вторая Чухломская ревизія 1744 года*) застаетъ значившагося въ первой ревизіи Ивана Ѳедорова Июдина—уже въ возрастѣ 42 лѣтъ, у него дѣти: написанный въ прежнюю перепись Андрей 23 лѣтъ и послѣ переписи рожденный Алексѣй 17 лѣтъ. Населенія въ 1744 году въ городѣ считалось вмѣстѣ съ дѣтьми 245 человѣкъ посадскихъ да разнаго званія людей 10 человѣкъ. Число дворовъ не указано. Слѣдующей третьей ревизіи по г. Чухломѣ 1763—1764 года въ Архивѣ Министерства Юстиціи, несмотря на самые усердные поиски, не нашлось: исчезла ли она безвозвратно, или она осталась гдѣлибо въ предѣлахъ Костромской губерніи—въ дѣлахъ казенной палаты или городской думы,—я свѣдѣній не имѣю. Изъ слѣдующей четвертой ревизіи однако видно населеніе Чухломы, относящееся къ третьей ревизіи 1763 года: 267 мужчинъ и 295 женщинъ. Особой ревизіи, состоявшейся тотчасъ послѣ страшной моровой язвы 1771 г. для подведенія ей итоговъ и по нѣкоторымъ городамъ сохранившейся, относительно Чухломы также не нашлось. Но промежутокъ отъ второй до четвертой относительно не великъ. Въ послѣдней 1782—1785 года**) встрѣчаемъ уже женскихъ членовъ рода Юдиныхъ, о которыхъ свѣдѣнія вообще очень бѣдны. Ивана Ѳедорова Июдина уже нѣтъ, а значится „вдова Марья Макарьева“ и въ отдѣльной графѣ отмѣчено: „умре въ 1764 году“, за нею идетъ сынъ ея Алексѣй Ивановъ Июдинъ, показанный по второй ревизіи 17 лѣтъ, у него жена Авдотья Петровна—старинная здѣшняго города купеческая дочь, у него дѣти: Татьяна—выдана въ замужество за Чухломскаго купца, Василій—выбылъ, Петръ—умре и Михайло 32 лѣтъ. Этотъ послѣдній Михайло Алексѣевичъ Юдинъ какъ разъ и есть тотъ прадѣдъ нынѣ здравствующаго Геннадія Васильевича, который былъ мнѣ указанъ при началѣ розысковъ и съ котораго дальнѣйшая судьба уже на живой памяти у всѣхъ членовъ рода Юдиныхъ очевидцевъ. Населеніе Чухломы въ 1785 году состояло изъ 273 мужчинъ съ дѣтьми, въ томъ числѣ: купцовъ 110, мѣщанъ 163 человѣка и изъ 312 женщинъ, между которыми показано 119 купчихъ и 193 мѣщанки.

Послѣдняя по времени изъ всѣхъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи, ревизскихъ сказокъ—

---

*) Моск Архивъ М. Ю. Книга 2 ревизіи по Чухломѣ № 20.722/4.022.

**) Дѣла упразди. Чухл. уѣзди. суда, ревизскія сказки 4 и 5 ревизіи по описи 34

БИБЛИОТЕКА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

пятая ревизія 1795 года; остальныя же съ 6 и до 10 ревизій еще не сданы въ Архивъ, а находятся въ Костромской губерніи. Въ пятой ревизіи 1795 года*) въ числѣ купцовъ показанъ Михаилъ Алексѣевичъ *Юдинъ*, **) 45 лѣтъ, у него жена Дарья Степанова дочь 28 лѣтъ, взятая изъ вотчины Луки Внукова по отпускной, въ графѣ отмѣчено: „умре въ 1784 году;“ у „него же вторая жена Анна Тимофеева дочь, 18 лѣтъ, здѣшняго города купеческая дочь, взятая у Тимофея Константинова сына *Июдина*, у Михаила дѣти: Алексѣй 24 лѣтъ, Сергѣй — 22, Михайло — 20 и Иванъ — 14“. Второй сынъ Сергѣй Михайловичъ приходится роднымъ дѣдомъ нынѣ живущему въ г. Красноярскѣ Геннадію Васильевичу. Населеніе Чухломы въ 1795 году насчитывало въ своемъ составѣ 53 купца и 213 мѣщанъ, всего 266 мужчинъ и 355 женщинъ, въ числѣ которыхъ 54 купчихи и 301 мѣщанка. Изъ пятой же чухломской ревизіи видно, что Юдины, имѣя нѣкогда одного общаго родоначальника, въ концѣ XVIII вѣка вступили даже между собою въ брачныя связи.

Приростъ населенія города Чухломы можно видѣть изъ слѣдующаго цыфроваго нагляднаго перечня, составленнаго на основаніи вышеприводимыхъ документальныхъ данныхъ.

Въ	1615	году	посадскихъ	безъ	дѣтей	31	человѣкъ.
„	1646	„	съ дѣтьми,	но	безъ женщинъ	84	„
„	1678	„	„	„	„ „	161	„
„	1723	„	„	„	„ „	184	„
„	1763	„	„	„	„ „	245	„
„	1763	„	„	„	„ „	267	„
						Женщинъ	295.
„	1775	„	„	„	„ „	268	„
„	1785	„	„	„	„ „	273	„
						Женщинъ	312.
„	1795	„	„	„	„ „	166	„
						Женщинъ	355.

По современнымъ намъ переписямъ конца девятнадцатаго столѣтія, въ Чухломѣ насчитывалось мужчинъ и женщинъ до 2000 человѣкъ.

Слѣдя по этому перечню за движеніемъ населенія Чухломы, мы не можемъ не видѣть, что самымъ благопріятнымъ временемъ для прироста ея населенія былъ семнадцатый вѣкъ,

*) Моск Архивъ М. Ю Дѣла упразднен. Чухл уѣздн. суда, ревизскія сказки 4 и 5 ревизій по 34 описи

**) Не „Июдинъ“, какъ писалось всегда раньше, а въ первый разъ: „Юдинъ“.

или вѣрнѣе—его послѣдняя половина, потому что составъ населенія по описи 1615 года, тотчасъ послѣ Смутнаго времени, какъ слишкомъ поддавшійся рѣзкому колебанію, нельзя брать въ сравненіе, да и потому еще, что въ описи 1615 г. населеніе показано безъ дѣтей, тогда какъ во всѣхъ другихъ описяхъ они показаны въ общемъ числѣ. При *однородности* же данныхъ мы видимъ, что населеніе Чухломы съ 1646 по 1678 годъ, *за 32 года, удвоилось* (по теперешнимъ статистическимъ исчисленіямъ принятъ срокъ времени въ 60 лѣтъ на удвоеніе). Черезъ сто лѣтъ—съ 1646 по 1744 годъ—населеніе утроилось. Съ конца же 17 и во весь 18-й вѣкъ приростъ населенія былъ довольно слабый; съ 1678 по 1795 годъ прибавилось всего 105 человѣкъ, т. е. населеніе прибавилось съ небольшимъ въ $^1/_2$ раза, тогда какъ мы видѣли, что оно же въ половинѣ 17 вѣка только за 32 года удвоилось. Особенно замѣтенъ слишкомъ незначительный приростъ, а иногда и прямо даже уменьшеніе, въ періодъ времени, захватывающій войны. Съ 1678 по 1723 г., за 45 лѣтъ, прибавилось всего 23 человѣка; на эти годы падаютъ крымскіе и азовскіе походы, а также великая сѣверная война. Съ 1744 по 1763 г. за 19 лѣтъ, когда происходила семилѣтняя война, населеніе прибавилось только на 23 человѣка, почти по 1 человѣку въ годъ. Съ 1763 по 1775 годъ, за 12 лѣтъ, по случаю чумы 1771 года и 1-й турец. войны, прибавился всего 1 человѣкъ. Съ 1775 по 1785 годъ, за 10 лѣтъ на которыя падаетъ первая же турецкая война и чума, прибавилось всего лишь 5 человѣкъ. Съ 1785 по 1795 годъ, за 10 лѣтъ, въ которые пронеслись вторая турецкая война и штурмъ Праги, мужское населеніе Чухломы даже убавилось на 7 человѣкъ. Что дѣйствительно войны были неблагопріятны для мужскаго населенія, видно изъ цыфръ женскаго, которое при уменьшеніи мужскаго—въ тѣ же промежутки постоянно возрастало. Наконецъ, въ весь современный намъ девятнадцатый вѣкъ, теперь уже также ушедшій въ глубь исторіи, населеніе Чухломы съ 621 человѣка достигло до 3.000, т. е. приростъ выразился въ $3^1/_2$ раза.

V.

Слѣдующіе довольно любопытные матеріалы для исторіи рода Юдиныхъ были мною извлечены изъ документовъ чухломскихъ: воеводской канцеляріи, уѣзднаго суда и городо-

ваго магистрата,—матеріалы очень цѣнные для исторіи русскаго купечества и почти еще не затронутые въ исторической литературѣ. Въ данномъ случаѣ, по отношенію къ Юдинымъ, они не только обрисовываютъ бытъ, даютъ свѣдѣнія объ ихъ воспитаніи, но порою довольно наглядно говорятъ и о *характерныхъ* особенностяхъ каждой отдѣльной личности. Документы названныхъ чухломскихъ учрежденій, упраздненныхъ реформою 1864 года, состоятъ изъ такъ называемыхъ „дѣлъ“ гражданскаго, уголовнаго, бытоваго характера, „крѣпостныхъ книгъ“, содержащихъ въ себѣ разные акты о покупкѣ и продажѣ движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ, о разныхъ сдѣлкахъ, и, наконецъ, изъ „журналовъ“, или протоколовъ чухломскихъ присутственныхъ мѣстъ, начинавшихся указаніями о „прибытіи такихъ присутствовавшихъ въ такомъ-то часу“ и заключавшихъ въ себѣ тѣ дѣла, которыя они „слушали“ и о которыхъ дѣлали рѣшеніе — „приказали“. Всѣ эти три вида дѣлъ служили мнѣ матеріалами для исторіи рода Юдиныхъ, при чемъ собственно магистратскихъ дѣлъ, къ сожалѣнію, сохранилось всего 5—6 штукъ.

Въ Чухломской воеводской канцеляріи въ половинѣ XVIII вѣка существовалъ обычай, чтобы всѣ подававшіяся въ нее прошенія,—а они подавались сотнями по самымъ пустымъ вещамъ,—писались сторонними лицами, не принадлежавшими къ составу воеводской канцеляріи. Вотъ такими-то „вольными подъячими“, писавшими въ чухломской канцеляріи частнымъ лицамъ челобитныя, получавшими здѣсь такъ сказать и образованіе, и „дѣловое“ крещеніе чуть не съ дѣтскихъ лѣтъ, я встрѣтилъ три поколѣнія слѣдовавшихъ другъ за другомъ Июдиныхъ. Въ концѣ тридцатыхъ и началѣ сороковыхъ годовъ XVIII вѣка на челобитныхъ чухломской воеводской канцеляріи въ продолженіе трехъ-четырехъ лѣтъ подъ рядъ встрѣчаемъ такую приписку: „А челобитную писалъ чухломецъ посадскій человѣкъ Андрей Ивановъ Июдинъ“, т.-е. сынъ значащагося во второй ревизіи Ивана Ѳедорова и старшій братъ Алексѣя Иваныча; этотъ Андрей Иванычъ, судя по ревизской сказкѣ, при писаніи челобитенъ былъ въ возрастѣ отъ 13 до 17 лѣтъ. Когда имя Андрея Ивановича Июдина на челобитныхъ прекращается, на смѣну является его младшій братъ Алексѣй Ивановичъ, прапрадѣдъ нынѣ живущему въ г. Краснoярскѣ Геннадію Васильевичу Юдину, въ возрастѣ 14—17 лѣтъ; этого дальше, въ свою очередь, смѣняетъ его

сынъ Михаилъ Алексѣевичъ, имѣя отъ роду отъ 12 до 16 лѣтъ; и тотъ и другой оставляютъ конечно на челобитныхъ свое имя, т.-е., что „челобитную со словъ такого-то писалъ такой-то". Всѣ эти трое Юдиныхъ, представители различныхъ поколѣній, обладали очень красивыми почерками, особенно почеркъ Алексѣя Ивановича, который положительно можно назвать красивымъ даже для нашего времени; почеркъ его старшаго брата по характеру письма подходитъ къ его, а почеркъ старшаго сына красивъ, но уже совершенно своеобразенъ, въ другомъ видѣ. Затѣмъ, послѣ челобитенъ, всѣ трое Юдиныхъ въ томъ же порядкѣ старшинства другъ за другомъ и тоже довольно часто отправляютъ въ воеводской канцеляріи другую обязанность, имѣя отъ роду уже около 20 лѣтъ, именно они подписываются въ качествѣ „свидѣтелей" у разныхъ крѣпостныхъ актовъ и сдѣлокъ, такъ что это дѣло служило какъ-бы высшею ступенью для ихъ канцелярской карьеры и, вѣроятно, при меньшей затратѣ труда, давало болѣе выгоды, чѣмъ писаніе челобитныхъ.

Въ шестидесятыхъ годахъ того-же XVIII столѣтія Алексѣй Ивановичъ Июдинъ является поставщикомъ разныхъ канцелярскихъ принадлежностей: бумаги, сургучу, свѣчъ сальныхъ въ Чухломскую воеводскую канцелярію, какъ видно изъ сохранившихся приходорасходныхъ книгъ ея; беретъ въ переплетъ канцелярскія книги, но дѣлаетъ ли это самъ, или чрезъ мастерскую, въ документѣ не видно; затѣмъ вмѣстѣ съ другими беретъ въ аренду для рыбной ловли Чухломское озеро. Около 1772 г. онъ становится ратманомъ Чухломскаго городоваго магистрата и, какъ человѣкъ обстоятельный, радушный, заслуживающій общаго довѣрія, выбирается отъ города Чухломы „депутатомъ къ сочиненію новаго уложенія", того уложенія, которому былъ предпосланъ знаменитый „Наказъ" самой императрицы. Очевидно, А. И. Июдинъ гордился своимъ выборомъ, а съ другой стороны, вѣроятно, и это положеніе стояло довольно высоко въ общественномъ понятіи, потому что и самъ онъ вездѣ подписывается „*депутатъ* и ратманъ", и во всей канцелярской перепискѣ его называютъ „выборнымъ депутатомъ къ сочиненію проекта новаго уложенія".

28 мая 1775 года послѣдовалъ указъ изъ 1 Департамента Правител. Сената *), по именному Высочайшему повелѣнію,

*) Моск. Архивъ М. Ю Дѣла упразди. Чухл. уѣздн. суда, безъ описей, указы 1775 года, стр 570—579.

относительно упорядоченія купеческаго сословія. Въ указѣ этомъ, между прочимъ, предписывалось, чтобы во всѣхъ городахъ тѣмъ, кои значатся подъ общимъ названіемъ „купцовъ", оставлена была свобода объявить свой капиталъ по совѣсти; и кто объявитъ капитала у себя меньше 500 рублей, оныхъ, не включая въ званіе купцовъ, записать въ мѣщане и оставить при прежнихъ податяхъ. А такихъ, которые объявятъ капитала своего отъ 500 рублей и выше, написать въ купечество и подушное съ нихъ не брать, а собирать по одному проценту съ объявленнаго ими по совѣсти капитала, раздѣля ихъ на три гильдіи:

1) У которыхъ капитала отъ 500 до 1000, оныхъ вписывать въ третью гильдію.

2) Имѣющихъ капитала отъ 1000 до 10000 рублей полагать во вторую гильдію.

3) А коихъ капиталъ выше 10000 рублей, такихъ вмѣщать въ первую гильдію.

При указѣ была сдѣлана оговорка, что за дѣтей своихъ купцы казенной подати платить не обязаны, пока дѣти съ ними не въ раздѣлѣ, а, по раздѣлѣ или отдѣлѣ ихъ, платить имъ купецкимъ людемъ всякому за себя, и еще другая оговорка, любопытная для характеристики времени: „Какъ для званія купца полагается самымъ меньшимъ капиталомъ сумма 500 рублей, а объявленіе капиталовъ, превосходящихъ сію сумму, оставлено на *добровольное показаніе* на совѣсть каждому, а тѣмъ самымъ и слѣдуетъ изъ сего, что *никакимъ* отъ утайки капитала *доносамъ* и слѣдствіямъ нигдѣ и ни подъ какимъ видомъ мѣста *имѣть не должно*".

Указъ Сената былъ полученъ въ Чухломской воеводской канцеляріи 18 іюня 1775, и въ тотъ же день была составлена между всѣми посадскими чухломскими людьми съ собственноручными ихъ подписями вѣдомость: „Нижеподписавшіеся по чистой нашей христіанской совѣсти о капиталахъ своихъ объявили". Изъ этой любопытной вѣдомости видно, что общее число посадскихъ людей по Чухломѣ составляло 268 человѣкъ, изъ нихъ не менѣе 500 рублей капитала объявили только 21 хозяинъ съ 20 при нихъ сыновьями, т. е. всего 41 человѣкъ; изъ этихъ капиталистовъ 1 заявилъ самую высшую цыфру капитала по Чухломѣ—Михаилъ Михайловъ Юдинъ—1100 рублей, двое по 1050 р., 1 въ 1000 р., двое по 700 р., 1 въ 600 р., четверо по 550, 1 въ 530, 1 въ 525, двое въ 520,

двое же по 510 р. и наконецъ четверо по 500 р. Такимъ образомъ, слѣдовало зачесть 4-хъ купцовъ во вторую гильдію и 17, съ добавленіемъ и тѣхъ и другихъ сыновьями, въ третью гильдію. Всѣ 41 купецъ 2 и 3 гильдіи объявили капитала на 13.515 рублей. Воеводская канцелярія высчитала, что съ нихъ слѣдуетъ положенныхъ денегъ по одному проценту собрать въ годъ 135 руб. 15 коп. Затѣмъ все остальное посадское населеніе Чухломы въ количествѣ 227 „душъ", объявившихъ въ указанной вѣдомости, что „капиталовъ на 500 рублей не имѣютъ", было отнесено въ мѣщанство и съ нихъ было начислено сорокаалтыннаго оклада, установленнаго Петромъ Великимъ, въ годъ 272 р. 40 к. А всего съ купцовъ и мѣщанъ по Чухломѣ было исчислено дохода 467 рублей 55 копѣекъ. Алексѣй Ивановичъ Июдинъ стоитъ вторымъ въ вѣдомости, своимъ красивымъ почеркомъ онъ объявляетъ капиталъ въ 1050 рублей, и въ 1775 же году у него приписано трое сыновей: Михайло, Петръ и Василій. Всѣ четверо они отнесены ко второй гильдіи.

По городовому же положенію, утвержденному Императрицею Екатериною 21 апрѣля 1785 года, судьбы посадскаго населенія городовъ окончательно вылились въ тѣ формы, которыя съ нѣкоторыми измѣненіями дѣйствуютъ уже до сихъ поръ. По Положенію, всѣ городовые обитатели раздѣлены на три категоріи: ремесленниковъ, или цеховыхъ, мѣщанъ и купцовъ. Послѣдніе, какъ и по указу 1775 года, такъ же раздѣлены на 3 гильдіи, но имущественный цензъ для гильдій значительно увеличенъ: въ первую должны записываться лица, объявившія капиталъ отъ 10 до 50 тысячъ рублей; во вторую отъ 5 до 10 тысячъ и наконецъ въ третью отъ 1000 до 5000 рублей. Относительно мѣщанъ въ Положеніи сказано, что „названіе это есть слѣдствіе трудолюбія и добронравія, чѣмъ они пріобрѣли отличное состояніе", что они мѣщане „обитатели городовъ средняго рода". Кромѣ самоуправленій, данныхъ всѣмъ тремъ сословіямъ, въ каждомъ городѣ учреждалась общая Шестигласная Дума подъ предсѣдательствомъ Городскаго головы, въ которую выбирались представители отъ всѣхъ трехъ сословій.

Но раздѣленіе посадскихъ по первому закону—указу 1775 года на купечество и мѣщанство оказалось неблагопріятнымъ послѣднему въ рекрутскомъ наборѣ. Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1790 года все чухломское мѣщанство подаетъ „Костромскаго на-

мѣстничества правителю господину генералъ-поручику Ивану Варфоломеевичу *) всепокорнѣйшее прошеніе"; въ немъ чухломцы говорятъ, что „въ бытность кратчайшаго времени Правителя въ ихъ городѣ они не успѣли ему личною подачею, а нынѣ по повѣренной ему отъ Всемилостивѣйшей монархини власти прибѣгаютъ къ его стопамъ о слѣдующемъ **). Въ городѣ Чухломѣ бывшіе прежде въ пятисотскомъ купеческомъ окладѣ посадскіе люди за неимѣніемъ платежа процентныхъ денегъ перешли въ чухломское мѣщанство, но при наступленіи для нихъ рекрутской очереди паки записались въ купечество въ прошломъ 1789 году, не отправя въ мѣщанствѣ своей очереди. Кромѣ того и послѣдніе оставшіеся семейные мѣщане съ малолѣтними дѣтьми своими, покуда тѣ не въ состояніи нести государственныя и градскія подати и тягости, въ мѣщанствѣ держатся не крѣпко, а службы и за семейныхъ исправляются всѣмъ обществомъ; когда же малолѣтніе станутъ въ возрастъ приходить, то, убѣгая рекрутской очереди, записываются въ купечество наличными душами, за умершихъ до новой ревизіи платежъ оставляя на мѣщанскомъ обществѣ, отчего послѣднее приходитъ въ крайнее изнеможеніе и бѣдность, а въ мѣщанствѣ остаются почти всѣ одинокіе. „Того ради" мѣщанское общество проситъ Костромскаго намѣстника повелѣть вышедшихъ изъ мѣщанства въ купечество въ 1789 году посадскихъ людей съ семействами рекрутскими очередями поверстаться и впредь безъ согласія мѣщанскаго общества семейныхъ изъ мѣщанъ, за которыми означенная очередь состоитъ, въ купечество не принимать и не записывать.

Кромѣ того, чухломское мѣщанство въ томъ же прошеніи намѣстнику старается всѣми силами испросить его согласіе на отдачу въ рекруты безъ очереди мѣщанина Николая Июдина, указывая, что хотя изъ этой же семьи и были уже отданы въ рекруты двое въ 1770 году, но они въ счетъ идти не могутъ, потому что они оба отправлены за непорядочные поступки и пороки, а также дѣла,—Обществу вредныя, и кромѣ того оба за отрубленіе у себя у рукъ перста, а одинъ—за принесенныя на него отъ многихъ людей жалобы, также и отъ жившей съ нимъ въ одномъ домѣ тещи, что онъ во многія ночныя времена отлучался изъ дома. Назначенный

*) Фамилія этого намѣстника въ документѣ не указано.

**) Моск. Архивъ М. Ю. Дѣла упразд. Чухл. уѣздн. суда по 33 описи указы 1791 г. стр. 19--30.

же въ рекруты магистратомъ этотъ Николай Июдинъ, какъ сказано въ прошеніи Чухломскихъ мѣщанъ, находясь въ Санктъ-Петербургѣ, высланъ оттуда за непорядочные поступки и по усмотрѣнію его санктпетербургскихъ родственниковъ и здѣшнихъ, а также всего общества, впредь хорошимъ человѣкомъ быть не надеженъ.

Отвѣтъ намѣстника послѣдовалъ только 15 января слѣдующаго 1791 года. Онъ любопытенъ для характеристики царствованія Екатерины Второй, когда старались поддерживать самоуправленіе сословій. Намѣстникъ въ своемъ „указѣ“ сообщаетъ, что разрѣшеніе представленнаго чухломскимъ мѣщанствомъ вопроса „относится до расмотрѣнія мѣстныхъ городоваго магистрата и городской думы, которые и должны на основаніи законовъ сдѣлать вообще опредѣленіе; а что будетъ учинено, о томъ репортовать Намѣстническому правленію“. Указъ присланъ въ двухъ экземплярахъ: магистрату и думѣ. Относительно же отдачи въ солдаты безъ очереди Николая Июдина говорится, что „его превосходительствомъ было предложено чухломскому городовому магистрату отвѣтить, дошла ли въ виду отдачи изъ той же семьи въ 1769 году двухъ человѣкъ паки очередь теперь черезъ 20 лѣтъ“; и магистратъ 27 ноября донесъ, что очереди нѣтъ, а взятъ Николай Июдинъ за порочные поступки. Между тѣмъ, говорится далѣе въ указѣ, въ бытность намѣстника въ Чухломѣ отецъ Николая Июдина приносилъ ему жалобу, что сынъ взятъ подъ стражу для отдачи въ рекруты неправильно, когда изъ его семьи двое братьевъ уже забраны въ рекрутство; потомъ, по сообщенной чухломскимъ городничимъ намѣстнику справкѣ, оказалось, что главной виной Николая Июдина считалось прожитіе въ С.-Петербургѣ довольно долго *сверхъ срочнаго въ паспортѣ* времени. Дальше намѣстникъ замѣчаетъ, что „если даже и подлинно Николай Июдинъ такой порочной человѣкъ, какъ магистратъ описываетъ, то все же онъ имѣетъ отца и мать, которыхъ отдача его безъ очереди въ рекруты огорчитъ; а за грѣхи сыновніе родителей наказывать несправедливо; сего ради начальствующіе въ обществѣ, которые безъ сомнѣнія сами дѣтей имѣютъ, поставя себя на мѣсто отца и матери сего ими опредѣляемаго къ отдачѣ въ рекруты Николая Июдина, представятъ себѣ, что отдаются въ рекруты ихъ дѣти; и если и тогда сердца ихъ не умягчатся и если они разсудятъ, что пороки назначеннаго ими таковы, что кромѣ отдачи въ рекруты другаго способа къ поправленію

нѣтъ и что на горести родителей смотрѣть не надобно,—тогда пусть общество сдѣлаетъ приговоръ и сего человѣка въ рекруты представитъ".

VI.

Около этого же времени Алексѣй Ивановичъ Июдинъ, какъ членъ Чухломскаго городоваго магистрата, принималъ участіе въ отстаиваніи самоуправленія магистратскаго отъ мѣстнаго городничаго премiеръ-маіора Невельскаго. Послѣдній 26 августа 1786 года обратился въ Костромское намѣстническое правленіе съ рапортомъ *) о понужденіи Чухломскаго городоваго магистрата къ отводу ему взамѣнъ обветшавшей новой квартиры и мѣста, пристойнаго подъ конюшню для содержанія драгунскихъ лошадей. Магистратъ же въ своемъ отзывѣ объяснилъ, что городской домъ, въ которомъ находится на жительствѣ городничій, состоитъ изъ 4 жилыхъ покоевъ, и хотя онъ не новый, но городничему въ немъ безъ нужды жить можно; при немъ имѣется особливый сарай, который можетъ быть отведенъ для содержанія казенныхъ лошадей. Вмѣстѣ съ тѣмъ магистратъ жалуется правленію, что городничій дѣлаетъ обывателямъ явное притѣсненіе и обиды; *самъ себѣ* посылаетъ въ магистратъ для подписи всѣхъ присуствующихъ, а равно мѣщанства и купечества — *одобреніе*, что всѣ его разбирательствомъ довольны, а аттестата обществу не подписываетъ; чинитъ все самъ собою въ противность законовъ. Такъ, продолжаетъ далѣе магистратъ, еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ чухломскій мѣщанинъ Василій Яковлевъ Шибаковъ за то, что спросилъ свои деньги 15 коп. за привезенный возъ сѣна у находящагося при полиціи десятскаго, также чухломскаго мѣщанина Александра Андронникова, былъ схваченъ послѣднимъ за воротъ и съ бранью скверными словами втащенъ въ состоящія при полиціи сѣни, гдѣ тотъ же Андронниковъ билъ Шибакова и таскалъ за волосы немилосердо; а потомъ по приказу городничаго Невельскаго послѣдній былъ посаженъ на большой цѣпной стулъ, въ коемъ и провелъ ночь и половину другаго дня. Признанный городничимъ въ полицію „опредѣленный къ разбирательству происходимыхъ у купцовъ и мѣщанъ съ разными людьми ссоръ и прочихъ касающихся до нихъ дѣлъ", ратманъ чухломскаго магистрата Степанъ Гусевъ увидѣлъ мѣщанина Шибакова сидящимъ на цѣпномъ стулѣ,

*) Моск. Архивъ М. Ю Дѣло упраздн Чухл. уѣздн. суда по 29 описи № 1860.

а „на рожѣ его битыя пятна". Городничій объяснилъ ратману Степану Гусеву, что Шибаковъ содержится въ дракѣ съ десятскимъ при полиціи—чухломскимъ мѣщаниномъ Алексѣемъ Андроникомымъ. Когда же Гусевъ возразилъ городничему, что дѣло не суть важно, чтобы слѣдовало Шибакова такъ мучить, что для учиненія съ обоими мѣщанами законнаго опредѣленія городничій повиненъ бы былъ отослать въ ихъ команду, т. е. въ магистратъ,—Невельскій при чухломскомъ уѣздномъ стряпчемъ подпоручикѣ Кадниковѣ, случившемся въ городничествѣ, съ великимъ сердцемъ сказалъ: „Еще-де я его палочьемъ выколочу, а не довольно этого будетъ, бургомистра или ратмана вашего на тотъ же цѣпной стулъ посажу!" Однако Чухломскій магистратъ не удовольствовался рѣшеніямъ городничаго по дѣлу Шибакова съ Андронниковымъ; такъ какъ полицейскій десятникъ по происхожденію былъ все-таки мѣщанинъ, то магистратъ потребовалъ отъ городничаго отпуска Андронникова къ сословному суду, и по присылкѣ произвелъ самъ разбирательство дѣла; здѣсь виновнымъ оказался Андронниковъ, которому и сдѣлано болѣе человѣческое наказаніе: онъ былъ выдержанъ при магистратѣ на хлѣбѣ и водѣ трои сутки.

Несомнѣнно, что такой заботливый защитникъ чухломскаго купечества и мѣщанства, какъ Степанъ Гусевъ, не могъ быть угоденъ городничему Невельскому; изъ документа видно, что послѣдній просилъ Костромской губерскій магистратъ *по неспособности* Гусева опредѣлить на его мѣсто другого; но Чухломскій магистратъ горячо вступился за своего члена, ядовито замѣчая, что ратманъ Степанъ Гусевъ находится выбраннымъ не въ Костромскомъ, а въ Чухломскомъ городовомъ магистратѣ и чинитъ дѣла по справедливости, а городничій его къ разбору не точію допускаетъ, а высылаетъ изъ городничества вонъ. Понятно, что Невельскій воспользовался первымъ случаемъ, чтобы насолить стойкому члену магистрата, а случай не заставилъ себя долго ждать. 27 августа 1786 года,—доноситъ Невельскій „репортомъ" Намѣстническому правленію,—часу въ третьемъ ночи чухломскаго магистрата ратманъ Степанъ Гусевъ отбилъ соборной Пребраженской церкви у попа у Андрея Максимова натуральную трость; Максимовъ закричалъ караулъ, и полицейская команда взяла Гусева въ городничество, гдѣ онъ многократно кричалъ караулъ и кидался на караульныхъ драться, тѣ посадили его въ стулъ на цѣпь. Дальше городничій Невельскій доноситъ, что на слѣдущій день онъ призывалъ

къ себѣ двухъ бургомистровъ магистрата Июдина и Голоушина, чтобы обще съ ними допросить Гусева, но бургомистры, не приступивъ къ разбирательству дѣла, ушли изъ городничества вонъ; онъ возвращалъ ихъ и говорилъ, чтобы они прислали хотя ратмана, но они и этого не учинили. Такъ какъ того мѣщанина безъ члена магистратскаго допрашивать и разбирать дѣло нельзя, то городничій Гусева съ отнятою имъ у Максимова тростью отослалъ въ чухломскій магистратъ. Въ заключеніи своего рапорта Невельскій прибавляетъ: „А что оный ратманъ Степанъ Гусевъ, будучи взятъ въ полицію, сдѣлалъ въ противность законамъ драку и кричалъ караулъ, то городовой магистратъ долженъ учинить по указамъ".

Такъ доносилъ городничій Невельскій, а чухломскій магистратъ въ своемъ отвѣтѣ возражаетъ, что Гусевъ взятъ въ чухломскомъ рынкѣ изъ мяснаго ряду безъ всякой причины и безъ знанія магистрата по злобѣ на то, что безъ знанія его Гусева 17 августа былъ взятъ городничимъ подъ стражу Иванъ Никитинъ и мѣщанинъ Алексѣй Андрониковъ за отламываніе окошка, и городничій ихъ допрашивалъ безъ него Гусева; а когда Невельскій приказалъ ему Гусеву тѣ допросы подписывать, то ратманъ отъ того отказался, и городничій принужденъ былъ обоихъ виновныхъ отослать въ Чухломскій магистратъ. По поводу же освобожденія изъ полицейской избы Гусева бургомистры Июдинъ и Голоушинъ къ Невельскому приходили требовать объясненія, но, какъ они показали, „были *имъ высланы* безъ всякаго знанія". Бургомистры при этомъ жаловались, что у Гусева „руки были связаны назадъ, какъ у сущаго варвара, онъ былъ содержанъ безвыпускно до 4 сентября и даже въ день 30 августа—тезоименитство Великаго князя Александра Павловича и въ кавалерскій праздникъ Святаго Александра Невскаго, въ который даже каторжныхъ отъ работъ свобождаютъ".

Костромское намѣстническое правленіе, усматривая изъ рапортовъ городничаго и магистрата „разнообразныя другъ на друга представленія, одно другому противное", предписало Чухломскому уѣздному суду, какъ нейтральному чухломскому учрежденію, изслѣдовать дѣло „во всей истинѣ", такъ какъ оно „къ неудовольствію командъ относится, открывая слабое вниманіе служащихъ въ прохожденіи должности".

Года полтора тянулось это дѣло въ Чухломскомъ уѣздномъ судѣ; наконецъ состоялось рѣшеніе отъ 30 іюня 1788 года.

Опредѣленіе суда кратко, но дышетъ справедливостію. „По слѣдствію оказалось, говорится въ немъ, что городничій Невельскій требовалъ отвода другой квартиры вмѣсто прежней *не дѣльно*, потому что въ домѣ по свидѣтельству оказалось покоевъ 3 и людская изба четвертая, и городничій въ своемъ репортѣ, что имѣется токмо 2 покоя, показывалъ *напрасно*; въ домѣ по семейству его нѣсколько времени жить еще можно, тѣмъ болѣе, что для него же построенъ новый домъ, который по свидѣтельству оказался почти готовымъ. Что же касается до отвода двора для драгунскихъ лошадей, то магистрату отказывать ему не слѣдовало бы: въ имѣющемся сараѣ не только показываемымъ 9-ти, но и 4 лошадямъ уставиться не можно; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ за произведеніемъ новаго строенія дворъ не огороженъ и для клажи корма крытаго мѣста не имѣется".

По поводу взятія въ городничество мѣщанина Шибакова, про котораго Невельскій, какъ видно по документу, совѣтовалъ Гусеву принять его сторону, говоря что „ему болѣе повѣрятъ", судъ нашелъ, что все взведено на Гусева *напрасно*, а стряпчій Кадниковъ въ качествѣ свидѣтеля показалъ, что дѣйствительно Невельскій при дѣлѣ Шибакова уграживалъ Гусеву, говоря, что даже и бургомистровъ и ратмановъ на цѣпной стулъ посадитъ.

Городничій представлялъ, что ратманъ Гусевъ ходитъ въ ночное время и не въ указные часы дѣлаетъ драки. По свидѣтельству же уѣзднаго суда по допросамъ попа *Андрея Максимова* и еще другого привлеченнаго къ дѣлу свидѣтеля виннаго пристава прапорщика Аносова, *никакихъ просьбъ не бывало*. Относительно бургомистровъ Июдина и Голоушина, къ разбирательству дѣла Гусева съ попомъ будто бы не приступившихъ, судъ нашелъ, что при томъ не было депутата со стороны духовной, а по законамъ дѣло должно быть произведено въ уголовной палатѣ, слѣдовательно, замѣчаетъ судъ: „доносъ городничаго учиненъ единственно къ затрудненію команды", а слова его же, что „бургомистры нарушаютъ свою присягу", учинены „также въ сущее несходство указовъ".

„Что касается, говорится далѣе въ рѣшеніи уѣзднаго суда, до принесенныхъ магистратомъ жалобъ на городничаго, что онъ безъ причины самъ собою захватываетъ обывателей и дѣлаетъ имъ обиды, то хотя по слѣдствію подлинно и не оказалось, но *открылся суровый* его городничаго поступокъ, имен-

но мѣщанина Василья Шибакова, взятаго въ дракѣ, держалъ въ полиціи на цѣпномъ стулѣ, а ратмана Степана Гусева-содержалъ такъ же не согласно съ 26-ю статьею Генеральнаго регламента и при томъ въ такой день, какъ 30 августа-тезоименитство великаго князя Александра Павловича, и хотя онъ городничій въ оправданіе присылалъ расписку, что Гусевъ отъ 29 числа августа въ полиціи содержанъ не бывалъ, только въ той распискѣ учинена подчистка и приправка чиселъ, но сіе, замѣчаетъ уѣздный судъ, принадлежитъ не до сего суда, а до уголовной палаты."

Дальнѣйшаго производства въ дѣлѣ нѣтъ. Что сдѣлало Костромское намѣстническое правленіе городничему Невельскому, свѣдѣній не имѣется. По другимъ только дѣламъ видно, что послѣ рѣшенія Уѣзднаго суда премьеръ-маіоръ года полтора служилъ еще въ Чухломѣ городничимъ.

VII.

У Ивана Ѳедоровича Июдина, отца Алексѣя Ивановича, по первой ревизіи 1723 года значился крѣпостной мальчикъ Илья Степановъ. Право владѣнія на людей посадскими по первой ревизіи было подтверждено указомъ 19 апрѣля 1746 г. въ такихъ выраженіяхъ: „Дворовыхъ людей, написанныхъ въ прежнюю перепись за посадскими людьми, за кузнецами, за другими мастеровыми цеховыми, и въ нынѣшнюю (то-есть вторую) перепись написать за ними жъ." Но въ концѣ своего царствованія императрица Елизавета Петровна измѣнила первоначальный взглядъ и инструкціей 9 февраля 1758 года повелѣла: „За которыми приказными служителями, не имѣющими оберъ офицерскихъ ранговъ, копіистами и иными другихъ чиновъ людьми, отцы которыхъ были положены въ подушный окладъ, записаны имѣнія,—недвижимыми имѣніями и людьми, какъ собственными, такъ и приданными, хотя бы за ними жены имѣлись шляхетскія дочери, отнюдь не владѣть, а кои ихъ имѣютъ, отъ публикованія инструкціи въ полгода продать-кому по указомъ надлежитъ; а дабы тѣ имѣнія болѣе полугодичнаго срока не остались и впредь не покупались, непремѣнно смотрѣть Вотчинной и Юстицъ-Коллегіямъ, Канцеляріи конфискаціи и провинціальнымъ воеводскимъ канцеляріямъ."

Въ 1738 году *) Иванъ Ѳедоровичъ Июдинъ означеннаго

*) Моск. Архивъ М. Ю. Дѣло упразд. Чухл. уѣзд. суда по 20 описи № 1537.

своего крѣпостного Илью Степанова, „холостого“, какъ сказано въ крѣпостномъ актѣ, продалъ чухломскому посадскому человѣку Трифону Матвѣеву Голоушину за 20 рублевъ, послѣдній послѣ смерти по духовной отказалъ Степанова своему племяннику купцу Ивану Прокофьеву Голоушину, у котораго этотъ крѣпостной человѣкъ женился „на отпущенной на волю помѣщичьей дѣвкѣ; отъ нихъ родились двое сыновей Алексѣй и Елизаръ Степановы, также женившіеся на вольныхъ дѣвкахъ и также прижившіе дѣтей. Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1782 года Алексѣй Степановъ подалъ Костромскому и владимірскому генералъ-губернатору графу Роману Ларіоновичу Воронцову „всепокорнѣйшее прошеніе“, въ которомъ пишетъ, что купецъ Иванъ Голоушинъ владѣетъ имъ съ братомъ и съ семействами ихъ не знаемо по какой причинѣ; а когда онъ сталъ о томъ говорить своему хозяину, то Голоушинъ билъ его Алексѣя смертельными и несносными побои, отъ чего онъ не можетъ придти въ совершенное здоровье, а жену и сноху-посадилъ въ тюрьму. Алексѣй Степановъ проситъ его съ братомъ и семействомъ отдать въ казенное покровительство, чтобы они могли приписаться въ Усольское мѣщанство. Голоушинъ же, ссылаясь на купчую крѣпость И. Ѳ. Июдина и на духовную дяди, а также на запись по второй ревизіи за его дядею, проситъ отдать означенныхъ дворовыхъ людей Степановыхъ ему обратно, оговариваясь, что за нихъ „подушныя и рекрутскія деньги и другіе сборы онъ платилъ и платитъ бездоимочно.“ Долго тянулось дѣло Степановыхъ; только года полтора послѣ подачи Алексѣемъ прошенія состоялось рѣшеніе Чухломскаго уѣзднаго суда отъ 8 марта 1784 года; въ немъ судъ нашелъ, что Голоушинъ вопреки второго указа императрицы Елизаветы Петровны отъ 9 февраля 1758 года Степановыхъ въ указанное время не продалъ, а потому недозволеннымъ пользовался, почему и полагалъ Степановыхъ взять въ казенное вѣдомство, и о томъ, а равно и о желаніи ихъ приписаться въ мѣщанство представить на благоусмотрѣніе Костромской казенной палаты. Между тѣмъ Голоушинъ, какъ видно, нашелъ ходъ въ Костромскомъ намѣстническомъ правленіи, куда подалъ жалобу, что его дворовые люди Степановы за побѣгъ были посажены подъ стражу, а судья де Петръ Андреевъ Борноволоковъ ихъ выпустилъ, и они „живутъ самовластны“. Правленіе кратко предписываетъ Степановыхъ сыскать и отдать Голоушину. Но судья Борноволоковъ всту-

пился за дворовыхъ и донесъ, что „Голоушинъ въ своей жалобѣ оболгалъ его напрасно, что Степановы были содержаны подъ карауломъ въ ножныхъ желѣзахъ безъ всякой причины, Голоушинъ же, вызванный по сему поводу, не явился, тогда Степановы по предложенію его Борноволокова были отданы на стороннюю расписку".

Но окончательная судьба Степановыхъ зависѣла отъ Костромской казенной палаты, которая, разсмотрѣвъ рѣшеніе Чухломскаго уѣзднаго суда, опредѣлила Алексѣя Ильина Степанова съ братомъ, съ матерью, съ женами и дѣтьми, по показаннымъ въ рѣшеніи суда мнѣніямъ, быть отъ Голоушина свободными, и хотя онъ „показываетъ, что платилъ за нихъ всякія государственныя подати, но чрезъ все то работою ихъ и всякимъ послуженіемъ пользовался не малое время и несравненно болѣе того, что платежа отъ него въ казну доходило". Но такъ какъ мѣщане, къ которымъ хотѣли приписаться Степановы и которые принять ихъ къ себѣ желали, платятъ съ души 1 р. 20 к., а государственные крестьяне по 3 р. 70 к., то Казенная палата, имѣя конечно съ виду главнымъ образомъ фискальный интересъ, т. е. возможно большую казнѣ прибыль, приказала быть Степановымъ „обще съ жительствующими вѣдомства Коллегіи экономіи деревни Коровиной близъ г. Чухломы крестьянами и со второй половины 1784 года платить какъ подушныя и оброчныя, такъ и государственныя подати безъ упущенія.

Кромѣ того, Казенная палата, озабочиваясь вѣроятно о привлеченіи большаго числа плательщиковъ прямыхъ податей, сама произвела справку по сказкамъ 4 ревизіи, не имѣется ли еще по Чухломѣ за купцами дворовыхъ людей. Оказалось, что за чухломскимъ купцомъ Николаемъ Григорьевымъ Юдинымъ также записаны двое-Якимъ и Василій Ѳедоровы. Казенная Палата, какъ сказано въ ея опредѣленіи, на основаніи прописанныхъ въ выпискѣ о Степановыхъ законовъ, и такъ какъ объ Ѳедоровыхъ еще никакого разсмотрѣнія къ рѣшенію не учинено, постановила „и ихъ потому жъ приписать къ экономическимъ крестьянамъ пригородной деревни Коровиной, удовольствовать ихъ пашенною и сѣнокосною землею, а всѣ подати взыскивать съ той же 2 половины 1784 года". Хозяинъ же Ѳедоровыхъ купецъ Юдинъ подалъ жалобу, въ которой объяснилъ, что Ѳедоровыхъ онъ не покупалъ, а они достались ему отъ отца, а послѣдній пріобрѣлъ и владѣлъ ими

законно по закладной крѣпостной драгуна Гаврила Леонтьева Бартенева, копію которой онъ представилъ; Юдинъ прямо указывалъ, что въ закладной было сказано, что при неуплатѣ Бартеневымъ денегъ онъ имѣетъ право и его дѣти тѣми дворовыми людьми владѣть безповоротно, а также *продать* и заложить; а такъ какъ драгунъ денегъ не заплатилъ, то онъ, Юдинъ, съ отобраніемъ отъ него Ѳедоровыхъ, несетъ убытки. Уѣздный судъ, куда обратился съ жалобой Юдинъ, какъ видно, раздѣлялъ отчасти права этого купца на дворовыхъ, потому что представлялъ Казенной Палатѣ, не признаетъ ли она возможнымъ дать, по указу 9 февраля 1758 года, сроку на полгода для продажи Юдинымъ его дворовыхъ людей Ѳедоровыхъ, но Казенная Палата, указомъ отъ 12 мая 1785 года, вновь подтвердила, что за учиненнымъ уже ею рѣшеніемъ и за причисленіемъ Ѳедоровыхъ во крестьянство, къ выключкѣ ихъ она приступить никакъ не можетъ. Болѣе уже по Чухломѣ не было за купцами крѣпостныхъ, и Ѳедоровы, такимъ образомъ, были послѣдними отголосками владѣнія людьми чухломскимъ купечествомъ.

VIII.

Слѣдующее судебное дѣло, происшедшее съ Алексѣемъ Ивановичемъ Июдинымъ, знакомитъ насъ съ характерными чертами этого человѣка*). „17 іюля 1769 года, пишетъ онъ въ своей челобитной, поданной Чухломской воеводской канцеляріи, имѣлся онъ быть для моленія въ Унженскомъ Макарьевѣ монастырѣ; на рынкѣ близъ того монастыря увидѣлъ его идущій мимо капитанъ Ѳедоръ Френевъ, кстати сказать, какъ видно изъ дѣла, чухломскій же помѣщикъ изъ усадьбы Краськовой и потому вѣроятно знавшій Июдина.—Френевъ, продолжаетъ Алексѣй Ивановичъ, не знаемо за что и не спрося, бранилъ его всякою скверною и неподобною бранію, и, не удовольствуясь тѣмъ, Френевъ съ пребезмѣрной своей озартности билъ его Июдина смертельно при свидѣтеляхъ, чѣмъ изувѣчилъ и обезчестилъ напрасно. Июдинъ проситъ сыскать означеннаго Френева, допросить и учинить съ нимъ, какъ *правы* и указы повелѣваютъ“. На оборотѣ сдѣлана надпись, что челобитную подалъ „Чухломскій купецъ и выбранный отъ оного купечества къ сочиненію проекта новаго уложенія въ коммиссію депутатъ Алексѣй Ивановъ сынъ Июдинъ“.

*) Моск. Архивъ М. Ю. Дѣло упразди. Чухл. уѣздн. суда по 12 описи № 855.

Отвѣтчикъ Френевъ находился въ Усольскомъ уѣздѣ помощникомъ экономическаго казначея; на просьбы воеводской канцеляріи самъ казначей постоянно пишетъ, что выслать Френева не можетъ за пріемомъ послѣднимъ письменныхъ дѣлъ, а на *третичный* указъ канцеляріи совсѣмъ не отвѣчаетъ. Но А. И. Июдинъ, какъ мы видѣли, самъ началъ свое дѣловое воспитаніе при чухломской воеводской канцеляріи, самъ конечно зналъ всѣ канцелярскіе улицы и переулки, а потому 18 ноября того же 1769 года вновь подаетъ въ канцелярію прошеніе, ссылается на указъ Сената отъ 31 марта 1766 года; а въ указѣ этомъ сказано: „Кто изъ одного мѣста въ другое требованъ будетъ чрезъ сношеніе съ мѣстомъ или командою, а послѣдняя требуемаго не присылаетъ съ намѣреніемъ отъ суда его избавить, съ таковыхъ взыскивать за неотсылку: по первому требованію 25, по второму 50 рублей, а по третьему-представлять въ вышнее мѣсто.“ Июдинъ, оговариваясь, что слѣдуемыя по его дѣлу пошлинныя деньги 3 рубля взяты, указываетъ, что „по законамъ судныя дѣла вездѣ должны производиться безволокитно, и говоритъ, что экономическимъ казначеемъ отговорка дѣлается лишь для того, чтобы сдѣлать одно промедленіе, потому что начальство припятіе дѣлъ отъ Френева можетъ поручить другому помощнику“. Любопытно, что все прошеніе отъ начала до конца по повелѣнью отца пишется старшимъ сыномъ Июдина Михаиломъ Алексѣевичемъ, также начавшимъ свое воспитаніе въ воеводской канцеляріи.

Воеводская канцелярія о челобитьѣ Июдина представила въ Контору Коллегіи экономіи, и вслѣдствіе того отвѣтчикъ Френевъ наконецъ въ Чухлому явился. Но тутъ-то и сказались душевныя свойства Июдина: съ одной стороны-незлобіе, а съ другой та житейская мудрость, за которую онъ вѣроятно и былъ почтенъ лестнымъ выборомъ депутата отъ своего общества въ Коммиссію для сочиненія задуманнаго Екатериною II уложенія Почти полгода прошло послѣ нанесенія Июдину Френевымъ оскорбленія, приближался праздникъ Рождества Христова; Алексѣй Ивановичъ Июдинъ могъ уже до нѣкоторой степени видѣть удовлетвореніе въ томъ, что его „обидчикъ“ все-таки былъ вытребованъ въ Чухлому для отвѣта; и вотъ онъ послѣ пріѣзда сюда капитана 21 декабря 1769 года прощаетъ Френева и о своемъ примиреніи подаетъ въ воеводскую канцелярію повую челобитную, гдѣ говоритъ, что впредь на Френевѣ ничего отыскивать не будетъ, прибавляя, что

мировыя пошлины платить долженъ отвѣтчикъ; и дѣйствительно эти пошлины 21 же декабря за истца и за отвѣтчика по 10 коп. и на расходъ $^1/_4$ коп. съ человѣка, всего $20^1/_2$ коп. были съ Френева взысканы, а капитанъ, должно быть, торопился съ дѣломъ, потому что послѣ своей подписи на мировой челобитной приписалъ: „На отъѣздомъ своимъ вѣрю Поручику Василью Салькову“. Незлобіе А. И. Июдина несомнѣнно превратило Френева изъ враговъ въ друга, потому что впослѣдствіи мы встрѣчаемъ довольно цѣнныя поручительсва Френевыхъ по старшемъ сынѣ Июдина Михаилѣ Алексѣевичѣ.

Указомъ 1737 года, подтвердившимъ указъ Петра Великаго отъ 17 февраля 1718 года, съ неявившихся къ исповѣди и къ Святому причастію сверхъ 3 лѣтъ военныхъ, изъ купечества и разночинцевъ велѣно править штрафъ *), размѣръ котораго опредѣлялся: въ первый разъ съ посадскихъ 1 р., съ поселянъ 10 денегъ, во второй съ посадскихъ 2 р., съ крестьянъ по гривнѣ и въ третій разъ съ первыхъ по 3 рубля и съ послѣднихъ по 5 алтынъ съ человѣка (Полн. собр. зак. № 3169); по указу же 30 ноября 1765 года-таковымъ „неявившимся и *не оказавшимся* въ расколѣ, какъ требующимъ духовнаго исправленія, тѣлеснаго наказанія не чинить, а наказывать ихъ публичнымъ церковнымъ покаяніемъ, молитвою и постомъ, питая ихъ хлѣбомъ и водою“. Во исполненіе этихъ указовъ чухломскимъ уѣзднымъ судомъ составлялись вѣдомости о такихъ неявившихся и посылались въ мѣстное казначейство, которое или взыскивало штрафъ, или же о виновныхъ сообщало въ Галичское духовное правленіе. Изъ вѣдомостей видно, что нѣкоторые чухломскіе посадскіе люди и уѣздные крестьяне не бывали у исповѣди и у причастія по 4 и 5 лѣтъ. Въ своихъ отвѣтахъ, приложенныхъ къ дѣламъ, виновные причинами неявки большею частію выставляли свое отсутствіе изъ приходовъ и пребываніе въ другихъ городахъ, гдѣ имѣли отцовъ духовныхъ, но по „простотѣ своей, прибавляютъ допрашиваемые, и по незнанію, письменныхъ ярлыковъ отъ нихъ не брали“. Въ одномъ случаѣ про неявившуюся женку говорится, что она послѣ рожденія находится въ тягчайшей болѣзни, за которою явиться никакъ не можетъ. Иногда же „неявившіеся“ прямо объясняли, что состоятъ старообрядцами, а одинъ изъ крес-

*) Моск. Архивъ М. Ю. Дѣло упразди Чухл уѣздн. суда по 31 описи № 2708.

тьянъ Даниловъ показалъ, что перешелъ въ старообрядчество съ семействомъ не по принужденію, а въ то время, когда еще была моровая язва, до 1776 года; вѣроятно, въ чуму священнослужители также перемерли,-и вотъ переходъ въ расколъ. При показаніи другого старообрядца выяснилось, что у него двѣ дочери близнецы, обѣ Соломіи по 8 лѣтъ, получили довольно своеобразное крещеніе: когда онъ былъ на работахъ въ С.-Петербургѣ, безъ него родились два младенца; его родная мать, „по обряду повивальная бабка, видя рожденныхъ младенцевъ слабыми и къ продолженію жизни въ тогдашнее время ненадежныхъ, сама ихъ окрестила, и 8 лѣтъ объ ономъ умолчано было". О послѣднемъ случаѣ было сообщено въ Галичское духовное правленіе, но что оно сдѣлало, не извѣстно.

Алексѣй Ивановичъ Июдинъ, какъ видно, къ исповѣди и къ причастію являлся ежегодно, потому что ни онъ, ни его семейство въ вѣдомостяхъ о „неявившихся" не встрѣчаются.

IX.

Совершенною противоположностію отцу Алексѣю Ивановичу Юдину, человѣку осторожному, спокойному, разсудительному, представляется его старшій сынъ Михаилъ Алексѣевичъ Июдинъ: пылкій, горячій, смѣлый, онъ съ замѣчательной энергіей всю жизнь свою неуклонно идетъ къ одной съ перваго раза намѣченной цѣли, не обращая, какъ видно, вниманія на средства. Послѣ пройденной школы въ воеводской канцеляріи, онъ съ небольшимъ 20-ти лѣтъ отъ роду начинаетъ работать по винному цѣлу и до конца остается ему вѣренъ. Въ семидесятыхъ годахъ прошлаго XVIII столѣтія питейная продажа въ Россіи производилась самою казною чрезъ особо назначенныхъ цѣловальниковъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отдавалась уже на откупъ. Въ Чухломѣ въ данные годы она состояла въ „казенномъ содержаніи"; для пресѣченія корчемства, т. е. для не продажи вина кромѣ казенныхъ кружечныхъ питейныхъ домовъ сторонними лицами опредѣлялись особые „коронные повѣренные", на обязанности которыхъ лежало пресѣченіе корчемства, и для „лучшаго его искорененія они по закону имѣли право входить для осмотра въ домы всѣхъ, не исключая никого, кромѣ только квартиръ и домовъ иностранныхъ министровъ". Съ найденныхъ ими корчемныхъ питей и изъ взысканныхъ съ виновныхъ въ томъ штрафныхъ денегъ, вноснованіи 4 ст. главы 4 Винокуреннаго устава, изданнаго

9 августа 1765 года, коронным повѣреннымъ изо всего выдавалась половина.

Такимъ повѣреннымъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія въ Чухломѣ, а немного позже—и по сосѣднему Парфеньеву состоялъ Михаилъ Алексѣевичъ Июдинъ. Молодой человѣкъ, почти юноша, съ рѣдкимъ рвеніемъ исполнялъ тяжелыя обязанности, и ночью, и на разсвѣтѣ и во всякое время года, преслѣдуя конечно и свои выгоды—половинную часть найденнаго; въ одномъ случаѣ есть даже указаніе, что онъ побилъ виновнаго, пытавшагося убѣжать, а въ другомъ приносится на него жалоба на подкинутое будтобы имъ самимъ въ боченкѣ вино. Въ маѣ мѣсяцѣ, напримѣръ, 1775 года онъ донесъ Чухломской воеводской канцеляріи *), что „извѣстясь чрезъ народный слухъ отъ посторонихъ людей объ имѣющемся корчемномъ винѣ въ домѣ дьячка церкви Воскресенія въ Валуевской волости Якова и его брата Ивана Егоровыхъ Остолоповыхъ, и по силѣ заключеннаго контракта потребовавъ отъ воеводы Андрея Френева (родственника капитана Френева, имѣвшаго раньше съ М. А. Июдинымъ дѣло) приказнаго служителя и воинскую команду, вмѣстѣ съ братьями родными Петромъ и Васильемъ Алексѣевыми Июдиными всего въ числѣ 16 человѣкъ въ трехъ пошевняхъ, запряженныхъ парами, къ дому означенныхъ церковниковъ пріѣхали и, войдя въ домъ, на полу усмотрѣли 2 боченка съ виномъ". Но должно быть Остолоповы пронюхали про пріѣздъ коронаго повѣреннаго, потому что при входѣ его въ избу, ихъ въ ней не оказалось, а была только старуха мать церковниковъ, на вопросы повѣреннаго отвѣтившая незнаніемъ, откуда явилось вино; а когда вслѣдъ затѣмъ въ домъ вернулись Остолоповы, то они выразили удивленіе появленію въ ихъ избѣ и вина и Юдина съ командою. Послѣднему же важнѣе всего нужно было доказать что церковники *шинковали*, т. е. сами сдѣлали вино и имъ торговали, потому что съ виновныхъ въ этомъ преступленіи полагался довольно значительный штрафъ 5 рублей съ человѣка, половина котораго должна была идти въ пользу коронаго повѣреннаго. Однако, и при дальнѣйшемъ веденіи дѣла такъ и не удалось обнаружить, откуда явилось у Остолоповыхъ въ домѣ вино: они и ихъ домашніе даже при депутатѣ съ духовной стороны упорно

*)Моск. Архивъ М Ю. Дѣло упразди. Чухл. уѣзди. суда по 17 описи № 1.106.

запирались; запрошенные же чрезъ повальный обыскъ сосѣди церковниковъ 45 человѣкъ разнаго чину людей показали, что братья Остолоповы люди добрые, состоянія хорошаго и корчемства и другихъ худыхъ поступковъ за ними не знаютъ и не отъ кого не слыхали. Чухломская же воеводская канцелярія 27 августа 1775 г., какъ записано въ ея протоколѣ, „употребивъ къ разобранію сего дѣла всѣ способы, не предуспѣла дойти до самой истины и *не* найдя, чтобъ Остоловы то корчемство подлинно сдѣлали, опредѣлила въ силу 5 главы Воинскаго устава предать оное дѣло волѣ Божіей и положиться въ томъ весьма на Бога, пока впредь оно само не объявится". Взятое же на дворѣ церковниковъ вино рѣшено было отдать въ питейный домъ для продажи, и половину вырученной за него суммы выдать коронному повѣренному Михаилу Алексѣеву Июдину.

Въ 1777 году тотъ же М. А. Июдинъ, какъ Парфеньевскій питейныхъ сборовъ коронный повѣренный *), представилъ въ Парфеньевскую воеводскую канцелярію пойманныхъ имъ вмѣстѣ съ братомъ Васильемъ и съ работниками его на разсвѣтѣ накануне Николина дня зимняго трехъ крестьянъ, на дорогѣ отъ города Парфеньева къ Судаю ѣдущихъ въ полѣ на одной лошади въ пошевняхъ съ вином, налитымъ въ двухъ стоянкахъ, въ сулеѣ и въ двухъ штофахъ. Пойманные Июдинымъ люди оказались крестьянами разныхъ помѣщиковъ Чухломскаго уѣзда; въ первомъ своемъ допросѣ они сначала сознались, что выкурили вино для продажи на винокурнѣ Подпоручика Василья Денисова Черепова, но въ слѣдующихъ показаніяхъ стали запираться и говорить, что откуда у нихъ явилось вино, не знаютъ. Помѣщикъ же Череповъ объяснилъ, что въ его усадьбѣ дѣйствительно имѣется для своихъ нуждъ кубъ, заклейменный на имя его жены, только означенныхъ крестьянъ для куренія въ немъ вина онъ никогда не пускивалъ; показаніе помѣщика подтвердили черезъ повальный обыскъ 43 человѣка разнаго чину людей. По освидѣтельствованію же, отнятое у крестьянъ вино „въ обжигѣ выгорѣло выше указной препорціи", т. е. оно по качеству оказалось градусами выше того, которое положено для продажи въ казнѣ. Всего по перемѣру въ немъ явилось $1^1/_2$ ведра. Изъ перекрестныхъ же допросовъ пойманныхъ и сви-

*) Моск. Архивъ М Ю. дѣло упразди. Чухл. уѣздн. суда по описи 18, № 1216.

дѣтельскихъ показаній выяснилось, что означенное вино всѣ трое виновные выкурили изъ своего хлѣба украдкою отъ Черепова въ его винокурной избѣ, пріѣхавъ туда вечеромъ и изготовивъ его къ разсвѣту для продажи. Такимъ образомъ, „шинкованіе“ корчемнымъ виномъ было доказано и съ трехъ виновныхъ крестьянъ изъ ихъ животовъ былъ взысканъ законный штрафъ всего 15 рублей, изъ которыхъ 7 р. 50 к. были выданы М. А. Июдину, а остальные 7 р. 50 к. записаны въ казенный приходъ. Кромѣ того, отнятое вино $1^1/_2$ ведра отдано для продажи, и половина его стоимости должна также поступить въ пользу коронному повѣренному; да лошадь со сбруею и санями, отъ которой отказались виновные крестьяне и которая со всѣми принадлежностями была оцѣнена въ 5 руб 28 коп., также впослѣдствіи должна быть продана пополамъ казнѣ и повѣренному. Пойманные въ корчемствѣ крестьяне были отданы въ ихъ вотчины съ расписками.

Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго XVIII столѣтія тотъ же М. А. Июдинъ, какъ видно, крѣпнетъ достатками, потому что за объявленіемъ въ Чухломѣ откуповъ на питейную продажу онъ при участіи другихъ двухъ Июдиныхъ Андрея Васильева и Ивана Иванова *) беретъ на откупъ питейные сборы по городу Чухломѣ и уѣзду и держитъ ихъ въ продолженіи трехъ лѣтъ съ 1780 по 1783 годъ, когда они опять поступаютъ въ вѣдѣніе казны. При взятіи на откупъ видно было, между прочимъ, что имъ принято было по описи деревяннаго казеннаго строенія на 40 руб., посуды по 14 коп. за фунтъ на 38 р. 40 к. и сверхъ кого—клейменая обжигальница, хранившаяся всегда въ чухломскомъ городничествѣ. Въ девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія М. А. Июдинъ вновь беретъ на откупъ чухломскіе питейные сборы и въ то же время, не имѣя вѣроятно довольно значительной суммы, затребованной въ залогъ, онъ пріобрѣтаетъ довѣріе нѣкоторыхъ помѣщиковъ, такъ какъ за него поручаются передъ казною: прежде Кол. Асс. Ѳедоръ Петровичъ Шиповъ 107 душами своихъ крестьянъ изъ трехъ деревень съ землею и съ угодьи, а потомъ жена его Елизавета Михайловна Шипова—100 душами — также съ землею и съ угодьями **). На осно-

*) Моск. Архивъ М. Ю. Дѣло Чухл. уѣздн. суда по описи 33, вязка съ указами 1788 г., стр. 93.

**) Моск. Архивъ М. Ю. Дѣла упраздн. Чухл. уѣздн. суда по 28 описи №№ 2269 и 2270 изъ 3-й вязки.

ваніи заявленій Шиповыхъ Чухлом. уѣздн. судомъ были составлены „аттестаты“, заключавшіе въ себѣ свѣдѣнія о крестьянахъ, представляемыхъ въ залогъ, съ удостовѣреніемъ суда, что они никому незаложены и свободны отъ всякихъ обязательствъ. Аттестаты эти представлялись въ залогъ въ присутственныя мѣста наравнѣ съ денежными суммами.

X.

Въ концѣ восемнадцатаго вѣка въ семьѣ Июдиныхъ происходитъ любытное явленіе. Въ 1795 году Алексѣй Ивановичъ Июдинъ, преближающійся къ концу жизни, почти семидесятилѣтній старецъ, бывшій и депутатомъ къ Екатерининскому уложенію и старшимъ бургомистромъ магистрата, выставлявшійся кандидатомъ въ чухломскіе городскіе головы въ 1791 году и стоявшій все время впереди мѣстнаго купечества, вдругъ переходитъ въ чухломское мѣщанство; въ послѣднее, правда еще прежде въ 1782 году выписался его старшій братъ Андрей Ивановичъ, котораго онъ нѣкогда замѣнилъ въ качествѣ писца челобитенъ въ воеводской канцеляріи. Старику А. И., какъ видно, почетъ былъ уже не нуженъ, дороже всего ему вѣроятно была простота и покой. Можетъ быть, съ его стороны было желаніе дать ходъ своему старшему предпріимчивому сыну, который сейчасъ же начинаетъ идти въ гору и дѣлается мѣстнымъ городскимъ головою. Какъ бы ни было, но въ пятой ревизіи Алексѣй Ивановичъ Июдинъ хотя и значится въ числѣ купцовъ, но около него сдѣлана такая оговорка: „Вышеозначенный Алексѣй Ивановъ Июдинъ съ сыномъ Васильемъ и съ семействомъ своимъ, кромѣ старшаго сына Михайла и дѣтей послѣдняго вписался въ чухломское мѣщанство.“

Въ слѣдующемъ, за выпиской А. И. Июдина въ мѣщанство, 1796 году онъ, какъ записано въ одномъ документѣ *), „сдѣлался и нынѣ находится больнымъ.“ И здѣсь мы наталкиваемся на любопытное свидѣтельство дѣйствительно „добраго стараго времени,“ основаннаго на крѣпости семейныхъ началъ и нерушимости родовыхъ связей, не прерывавшихся даже и тогда, когда „дѣти“ сами становились „отцами.“ Во время болѣзни А. И. Июдина, какъ читаемъ въ документѣ, „нерѣдко приходилъ навѣщать отца отдѣльный его сынъ Михаила Алексѣевъ Июдинъ

*) Моск. Арх М. Ю. дѣла безъ описей Чухл. уѣзн. суда,—журналы суда 1796., стр. 42 и 43.

вмѣстѣ съ своимъ старшимъ сыномъ Алексѣемъ". Такимъ образомъ, бывшій „коронный повѣренный," самъ уже глава семьи, имѣющій четверыхъ взрослыхъ сыновей, человѣкъ, насколько можно судить по дошедшимъ документамъ, совсѣмъ другого пошиба, чѣмъ отецъ, не только „неоднократно" является къ больному старику, но и приводитъ къ нему на поклонъ старшаго своего сына, а А. И. внука—въ возрастѣ болѣе чѣмъ 25 лѣтъ.

Изъ того же документа, который намъ сейчасъ служилъ матеріаломъ, мы вновь можемъ судить о характерѣ Мих. Алексѣев. Июдина. Во время болѣзни отца, въ его домѣ жила „бѣглая дѣвка" Авдотья Антонова, перешедшая къ нему послѣ смерти его сына Петра Алексѣевича Июдина. Эта-то Антонова и принесла жалобу на Михаила Алексѣевича Июдина и на его сына Алексѣя, что они при посѣщеніи Алексѣя Ивановича не разъ ее *били* и называли „крѣпостною рабою," тогда какъ „купцамъ крестьянъ имѣть не велѣно." Къ сожалѣнію, изъ ея допросовъ въ Чухломской управѣ благочинія не выяснилось причинъ ея ссоръ съ сыномъ и внукомъ хозяина. Оказалось только, что она была продана однимъ помѣщикомъ другому, жила у Петра Алексѣевича Июдина, а послѣ его смерти не ушла на родину, а стала жить у его отца. Антонова, порѣшенію Суда, была послана въ Солигалицкій уѣздный судъ для отдачи купившему ея помѣщику.

1796 годомъ мы закончимъ изложеніе собранныхъ нами въ Архивѣ Министерства Юстиціи матеріаловъ о родѣ Июдиныхъ, прибавивъ только, что настоящій представитель этого рода Г. В. Юдинъ, по сообщеннымъ имъ мнѣ свѣдѣніямъ, всѣ собранные матеріалы уже печатаетъ въ Красноярскѣ по слѣдующей программѣ.

I. Дозорныя и писцовыя книги XVII вѣка по г. Чухломѣ и уѣзду.

II. Ревизскія сказки только по г. Чухломѣ всѣхъ ревизій съ 1 по 10.

III. Акты XVII—XVIII столѣтій, извлеченные изъ Архива М. Ю.

IV. Акты и документы XIX вѣка, полученные въ копіяхъ изъ Чухломской городской управы.

V. Семейная переписка изъ домашняго архива, сохраненная Г. В. Июдинымъ и его отцомъ.

VI. Дневникъ одного знакомаго Июдиныхъ за время съ 1827 по 1874 г., купленный случайно въ Москвѣ, къ сожалѣнію

въ неполномъ видѣ.—Позднѣйшіе матеріалы, поступившіе во время печатанія изданія.

VII. Общее историческое изложеніе о родѣ Іюдиныхъ, составленное на основаніи всѣхъ поименованныхъ матеріаловъ, и здѣсь же - полная родословная роспись Июдиныхъ.

XI.

Такимъ образомъ, занятія документами Моск. Архива Министерства Юстиціи для составленія исторій купеческихъ родословныхъ вполнѣ достигаютъ цѣли. Общее количество имѣющихъ быть для того собранными матеріаловъ, цѣнность ихъ, въ смыслѣ большой или меньшей полноты или характерности каждаго отдѣльнаго члена рода—находятся въ зависимости отъ того *наличнаго* числа документовъ, которые сохранились въ Архивѣ Министерства Юстиціи по мѣстностямъ, служившимъ пребываніемъ членамъ даннаго рода: въ одномъ случаѣ получается совершенно неожиданная находка, въ другомъ—полнѣйшій недостатокъ необходимыхъ свѣдѣній. Несомнѣнно только, что поиски матеріаловъ для купеческихъ родословныхъ возможны и цѣлесообразны *на всемъ протяженіи документовъ* Архива М. Ю. съ *начала 17 вѣка, даже древнѣе, и до* послѣдняго предѣла ихъ въ Архивѣ Мин. Юстиціи *1800 года*, и что чѣмъ больше будетъ употреблено труда на ихъ поиски, чѣмъ разнообразнѣе будутъ просмотрѣны документы, не пренебрегая даже, какъ мы видѣли, такими, какъ дѣла безъ описей, представляющія сборники различныхъ указовъ; что чѣмъ съ большею настойчивостію будутъ вестись занятія,—тѣмъ съ большимъ основаніемъ можно быть увѣреннымъ, что исчерпали для своей темы все содержимое документовъ такого колоссальнаго хранилища, какъ Архивъ Министерства Юстиціи. Какъ часть цѣлаго—каковымъ въ данномъ случаѣ является русская исторія въ своемъ всеобъемлющемъ содержаніи - документы, касающіеся купеческихъ родословныхъ, могутъ служить хорошимъ источникомъ для бытовой исторіи русскаго народа, въ частности же—для исторіи обычнаго права, и пролить историческій свѣтъ по такимъ предметамъ, прямые источники о которыхъ нерѣдко уже утратились.

Изученіе документовъ, касающихся посадскихъ людей и купечества въ Россіи, сравнительнымъ методомъ, рядомъ съ другимъ самымъ обширнымъ сословіемъ—крестьянскимъ, нѣкогда, какъ и посадскіе, бывшимъ свободнымъ, приводитъ къ

любопытному выводу, что купечество, находившееся ранѣе въ полусвободномъ состояніи, переживая всѣ ступени, присущія правильно развиваемому организму, цѣлыми поколѣніями поддерживаетъ сословныя связи, твердо отстаиваетъ свои „правы," какъ выразился одинъ изъ предковъ Юдина, выдвигаетъ изъ своей здоровой среды представителей съ хорошо выраженными особенностями „личности" въ самомъ высокомъ значеніи этого слова и наконецъ, дѣлаясь свободнымъ, получаетъ свое самоуправленіе и становится могущественнымъ сословіемъ, въ рукахъ котораго сосредоточивается торговая и фабричная промышленность Россіи. Крестьянство, же нѣкогда въ посадахъ бывшее такими же вольными пахарями, какъ городскіе жители, при прикрѣпленіи прежде къ землѣ, а затѣмъ къ помѣщику, теряетъ въ продолженіе $2^1/_2$ вѣковъ свою свободную дѣятельность; большую часть своего труда отдаетъ лицу — посреднику между нимъ и государствомъ, обезличивается и становится уже не человѣкомъ со всѣми его особенностями, а предметомъ, который, какъ животное, какъ вещь, можно продать, заложить по произволу. Мало выигрывала при такомъ положеніи и сама земля, и относящіяся къ ней орудія: въ то время, когда въ фабричной промышленности встрѣчаемся съ гигантскими сооруженіями, — въ области земледѣлія на большинствѣ полей оставались всѣ тѣ же первобытные плугъ и соха и борона. Не выиграли въ концѣ концовъ и помѣщики, потому что ихъ налаженыя крѣпостныя хозяйства, лишившись и земли и главной опоры—даровыхъ рукъ, не были заблаговременно подготовлены къ иному веденію земледѣлія и досихъ поръ не могутъ войти въ колею. Великимъ актомъ 19 февраля 1861 года крестьянство освобождено отъ крѣпостной зависимости, но много еще ему придется перенести, чтобы перейти въ жизнь правильно идущаго и правильно развивающагося организма, въ виду новыхъ условій и новыхъ запросовъ, его окружившихъ; много придется поработать, чтобы хотя только приблизиться къ положенію того сословія, которое нѣкогда было съ нимъ на одномъ ряду и которое, естественно идя въ своемъ историческомъ, развитіи, бьетъ могучею волною во всей нашей жизни. Если окончательнымъ моментомъ свободной жизни посадскаго населенія Россіи, начавшаго вести и развивать свои дѣла безъ всякаго вмѣшательства и помощи, считать городовое положеніе 21 апрѣля 1785 года, а временемъ болѣе или менѣе замѣтнаго результата этой самостоятельной купеческой дѣя-

тельности взять конецъ царствованія Императора Николая Павловича—1855 годъ, когда бывшіе посадскіе купечество и мѣщане правильнымъ путемъ стали выдѣлять изъ своей среды ежегодно извѣстное количество лицъ, производительныхъ и полезныхъ государству, если такимъ образомъ полное развитіе сословія въ свободномъ его теченіи захватило 70 лѣтъ, то по нашему убѣжденію не менѣе времени нужно и для такого же развитія жизни крестьянства, до той поры, когда оно вполнѣ цѣлесообразно станетъ на ноги, чего можно ждать болѣе или менѣе вѣроятно, на основаніи сказаннаго, только около 1930 года, припявъ зародышемъ развитія крестьянства 1861 годъ.

Изученіе тѣхъ же документовъ хорошо знакомило съ характерными особенностями многихъ членовъ купеческаго рода, ихъ нравахъ, наклонностяхъ, недостаткахъ; одни и тѣ же свойства встрѣчаются у представителей двухъ слѣдующихъ другъ за другомъ поколѣній, иногда чрезъ одно перескакиваютъ, т. е. отъ дѣда къ внуку, а потому мы можемъ сказать, что законъ о наслѣдственности, или такъ называемый „атавизмъ“, изучаемый въ чуждой намъ наукѣ — медицинѣ, можетъ быть изучаемъ также историческимъ путемъ, на основаніи архивныхъ документовъ. И кто знаетъ, можетъ быть, мы копируемъ во многомъ, если не вполнѣ, въ нашей жизни того или другого предка, отдаленнаго отъ насъ давностію вѣковъ.

Въ частности, вполнѣ вѣроятно, можно сдѣлать еще одно заключеніе на основаніи сдѣланной мною работы и другихъ матеріаловъ, относящихся къ ней же по времени. Двое послѣднихъ купцовъ Юдиныхъ есть представители двухъ половинъ одного Екатерининскаго царствованія. Старшій, воспитавшійся еще въ предъидущее царствованіе, вполнѣ русское и народное, благодаря личнымъ свойствамъ и воззрѣніямъ дочери Великаго Петра, переноситъ и въ вѣкъ Екатерины любовь къ родинѣ, преданность родовымъ связямъ и миролюбивое добродушіе. При реформахъ Императрицы Екатерины онъ становится убѣжденнымъ ихъ проводникомъ въ жизнь и не въ узко личномъ направленіи, а въ интересахъ государственныхъ и всего сословія, къ которому принадлежалъ. Его сынъ, весь сложившійся во время самыхъ реформъ, преслѣдуетъ уже задачи личнаго свойства, скорѣе эгоистичныя. Такимъ образомъ, мнѣ кажется, можно признать, что лица, начавшія свою трудовую жизнь въ одно царствованіе, въ

массѣ продолжаютъ жить прежними идеалами, прилагая свою опытность на дѣлѣ въ новое царствованіе, что слѣдовательно ни одно царствованіе нельзя разсматривать безъ связи съ предъидущимъ, что слѣдовательно царствованіе Императрицы Екатерины II многими своими успѣхами обязано предъидущему царствованію, подготовившему ей и на высокихъ ступеняхъ *и въ массѣ* множество сподвижниковъ, украсившихъ ея царствованіе; что лица, воспитавшіяся вслѣдъ за эпохою великихъ реформъ, менѣе уже воспріимчивы къ сознательному проведенію этихъ реформъ въ жизнь, чѣмъ ихъ творцы и поборники Подобное, сходственное съ вѣкомъ Екатерины II, явленіе, мнѣ кажется, мы видимъ и въ исторіи царствованія Императора Александра II, гдѣ бойцы эпохи 1861 года горѣли искреннимъ желаніемъ на дѣйствительную помощь освобождаемому сословію и родинѣ, но гдѣ слѣдующее новое поколѣніе явилось уже носителемъ иныхъ идей, мало основанныхъ и на духѣ великаго акта 19 февраля, а равно— мало и на предъидущихъ устояхъ народной жизни.

И. С Бѣляевъ.

БИБЛІОТЕКА
СОЦІАЛИСТИЧЕСКАЯ